В. Г. КОНДРАТЬЕВ

ОЧЕРК ГРАММАТИКИ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1970

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

В. Г. КОНДРАТЬЕВ

ОЧЕРК ГРАММАТИКИ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1970

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета

В книге дается систематическое описание фонетики, морфологии и синтаксиса древнейших тюркоязычных памятников (VIII в. н. э.).

Очерк представляет интерес для специалистов-тюркологов, а также может служить пособием для студентов, обучающихся в вузах тюркоязычных республик СССР и на факультетах восточных языков.

Отв. редактор член-корр. АН СССР *А. Н. Кононов*

7—1—4
112—70

Кондратьев Владимир Георгиевич

Очерк грамматики древнетюркского языка

Редактор *Л. А. Стопцова*

Техн. редактор *Е. Г. Учаева* Корректор *Р. Л. Савина*

М-35870 Сдано в набор 13 I 1970 г. Подписано к печати 18 VIII 1970 г.
Уч.-изд. л. 4,22. Печ. л. 4. Бум. л. 2.
Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бумага тип. № 2.
Заказ 221. Тираж 1255. Цена 42 коп.
Издательство ЛГУ им. А. А. Жданова

Типография ЛГУ. Ленинград, Университетская наб., 7/9.

ВВЕДЕНИЕ

История изучения памятников тюркской рунической письменности

Предметом настоящей работы является описание морфологии и синтаксиса языка памятников тюркской рунической письменности первой половины VIII в. н. э., созданных на территории Восточнотюркского каганата в Северной Монголии, существовавшего с 682 по 745 г. н. э.[1] Памятники представляют собой прижизненные или мемориальные восхваления виднейших представителей тюркской племенной знати — каганов Кюль-Тегина и Бильге-хана, советника каганов Тоньюкука, военачальников Кули-чура и Алп Элетмиша (Онгинский памятник).

Памятники тюркской рунической письменности встречаются также на Енисее, в Якутии, на Алтае, в Восточном Туркестане, Средней Азии и Восточной Европе. Древнейшие надписи предположительно относятся к VII в. н. э., самые поздние — к XII в. Памятники Восточнотюркского каганата представляют особый интерес как древнейшие датированные тюркские памятники и самые крупные памятники тюркской рунической письменности. Особое значение они имеют для изучения истории огузских языков, с которыми язык памятников генетически связан.

Первые сведения о тюркских рунических памятниках относятся к концу XVII в., когда боярский сын Ремезов упоминает о камне «Орхон». Видимо, речь идет о рунической надписи. Первые научные сведения о рунических надписях дал пленный шведский офицер Ф. И. Страленберг, живший в Сибири в 1713—1722 гг.[2] В конце XIX в. было организовано несколько экспедиций с целью изучения памятников (финская и русские

---

[1] Подробнее об истории Восточнотюркского каганата и истории изучения памятников тюркской рунической письменности см.: С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.

[2] Ph. J. Stralenberg. Das nord- und östliche Theil von Europa und Asia. Stokholm, 1730.

экспедиции). Были найдены памятники с двуязычными надписями в Кошо-Цайдаме (памятники Кюль-Тегину и Бильге-хану).

Собранный материал позволил приступить к дешифровке памятников. Ею одновременно занимались русский тюрколог В. Радлов и специалист по общему языкознанию В. Томсен. В 1893 г. В. Томсен представил свою дешифровку (к этому времени В. Радлов уже расшифровал 15 знаков). В 1894 г. В. Радлов опубликовал перевод памятника Кюль-Тегину. Начался период изучения рунической письменности с исторической и лингвистической точек зрения.

Памятникам тюркской рунической письменности посвящена обширная литература.[3]

В ряде работ рассматриваются вопросы грамматического строя языка памятников. Среди них следует упомянуть работы В. Радлова,[4] В. Томсена,[5] П. М. Мелиоранского,[6] Х. Оркуна,[7] С. Е. Малова,[8] А. Габен,[9] И. А. Батманова,[10] В. М. Насилова,[11] А. Ислямова,[12] А. С. Аманжолова.[13]

Особо следует отметить труд В. Радлова «Neue Folge». В нем подробно рассматривается морфология памятников Кюль-Тегину и Бильге-хану и Онгинского памятника. Большой интерес представляет также упомянутая работа П. М. Мелиоранского, которая посвящена в основном лексике памятника Кюль-Тегину, но содержит и ряд ценных наблюдений над грамматическим строем памятника. В книге А. Габен рассматривается главным образом язык древнеуйгурских памятников, но частично затра-

---

[3] Подробнее см.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951; С. Г. Кляшторный, ук. соч.

[4] Die alttürkischen Inschriften der Mongolei von Dr. W. Radloff. Neue Folge. СПб., 1897.

[5] V. Thomsen. Turcica. — Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, XXXVII. Helsingfors, 1916, стр. 1—108.

[6] П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. — ЗВОРАО, т. XII, вып. II—III. СПб., 1899, стр. 1—144.

[7] Hüseyn Namık Orkun. Eski türk yazıtları. I. Istanbul, 1936; II, 1939; III, 1940; IV, 1941.

[8] С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951; С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959.

[9] A. von Gabain. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950.

[10] И. А. Батманов. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959.

[11] В. М. Насилов. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960.

[12] А. Ислямов. Употребление падежей в языке древнетюркских памятников. — Уч. зап. Самаркандск. гос. пединститута, вып. 2, 1957, стр. 240—297; А. Ислямов. Строй предложения в языке древнетюркских памятников.— Уч. зап. Самаркандск. гос. пединститута, вып. 3, 1959, стр. 226—246.

[13] А. С. Аманжолов. Об управлении древнетюркского корневого глагола. — Изв. АН Каз. ССР, серия филологии и искусствоведения, вып. 1—2 (8—9), 1958, стр. 26—43; А. С. Аманжолов. К вопросу об управлении синтетических глаголов в древнетюркских языках. — Филологический сборник. Алма-Ата, 1963, стр. 165—177.

гиваются вопросы грамматического строя рунических памятников. Исследование В. М. Насилова представляет собой краткий очерк морфологии и синтаксиса языка памятников тюркской рунической письменности. Труд И. А. Батманова посвящен енисейским памятникам, имеющим много общего с памятниками Монголии. В работах А. Ислямова, Д. М. Насилова[14] и А. С. Аманжолова рассматриваются отдельные вопросы грамматического строя языка тюркских рунических памятников.

Фонетика

В памятниках для обозначения гласных используются четыре знака. Данные современных тюркских языков позволяют прийти к выводу о том, что в языке памятников было восемь гласных: *а, ä, ы, і, о, ö, у, ÿ*.

Большинство согласных *(б, г, д, к, л, н, р, с, j, т)* обозначаются двумя знаками. Один используется с гласными заднего, другой — с гласными переднего ряда.

Учитывая существование в ряде современных тюркских языков, например узбекском и казахском, двух вариантов согласных фонем — твердого и мягкого, — можно предположить, что использование двух вариантов знаков в памятниках отражало реальное произношение. Таким образом, большинство согласных в памятниках имело мягкий и твердый варианты. (Использование двух знаков для обозначения звука *j* следует считать чисто орфографическим.) Согласные в языке памятников следующие: *б, п, д, т, з, с, ш, ч, j, қ, к, ғ, г, м, н, л, l, р,* ŋ, назализованный *j* (в транскрипции *ю*).

Палатальная гармония гласных действует во всех случаях. Соответственно все аффиксы имеют два варианта: один с гласным заднего ряда, другой с гласным переднего ряда. Например, *ы-да* 'в лесу', *іl-тä* 'в иле'.[15] О наличии губной гармонии гласных сказать что-либо трудно, так как узкие гласные в закрытом слоге на письме не обозначаются. Во всяком случае в открытом слоге губная гармония гласных отсутствует: *будун-ы* 'его народ'.

Характерной особенностью языка памятников является отсутствие ассимиляции согласных по глухости и звонкости. После основ на *р, л, l, н* используются аффиксы, начинающиеся с *т*, в остальных случаях аффиксы начинаются с *д* (даже после основ на глухой согласный). Например, *јол-та* 'на дороге', *јір-тä* 'на земле', *таш-да* 'среди камней'.

---

[14] См. статьи Д. М. Насилова «О некоторых сложных глагольных формах в древнетюркских языках» и «К вопросу о модальных словах *âринч, ärки* и *äркän* в древнетюркских языках» в кн.: Самарқанд давлат университетининг асарлари, янги серия, № 102. Самарқанд, 1960, стр. 127—143.

[15] Иль — племенной союз.

Аффикс дательного п. всегда начинается с *қ, к,* в том числе и после основ на звонкий согласный: *öд-кä* 'времени'. Аффиксы деепричастий на *-ғалы/-ғäli* и *-ғач* всегда начинаются с *г.* Можно предположить, что написание отражает реальное произношение. Отсутствие прогрессивной ассимиляции по глухости и звонкости следует объяснить тем, что в памятниках звонкие согласные имели полузвонкий характер (как, например, в чувашском языке).

н + *к* > *ŋ*, *ŋ* + *к* > *ŋ* (в сочетании аффиксов принадлежности 2 и 3 л. с аффиксом дательного п.). Регрессивная ассимиляция имеет случайный характер (*тосық* 'сытость' < *тод-сық*).

В анлауте отсутствуют звуки *г, д, з, п, р.* Звуки *л* и *l* встречаются только в заимствованиях. Например, кит. *lÿj* 'дракон'.

Орфография

Гласные *а, ä* обозначаются в ауслауте, гласные *ы, і* обозначаются в анлауте и ауслауте, а также в инлауте, если к основам на *ы, і* присоединяется аффикс дательного п. Гласные *ұ, ӱ* обозначаются во всех слогах, кроме второго слога основ.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Учитывая морфологические, синтаксические и семантические признаки в их совокупности, в языке памятников можно выделить следующие части речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие, послелог, союз, частица. Имени существительному присущи следующие грамматические категории: числа, принадлежности, определенности и неопределенности, склонения.

Категория числа

Аффикс мн. ч. *-лар/-läр* в памятниках используется только с существительными, обозначающими лица, имеет собирательное значение: *Бäгläр қопан тіді* (Т 36—37) 'Беги все сказали' (собирательное значение афф. *-лар* усиливается словом *қопан* 'все').

Другие аффиксы множественного числа в памятниках — непродуктивные аффиксы *-қун* и *-т*, также имеющие собирательное значение:[1] *käliŋүнім* (<*käliŋ* + *-күн* + *-ім*) 'мои невестки' (Кб 49), *jыраја тарқат, буjуруқ бäгläр* 'стоящие слева тарханы и буюрук-беги' (Км 1). Афф. *-т* широко используется в монгольском языке и встречается в отдельных словах в якутском языке, где он входит в состав сложного аффикса мн. ч. *-ттар*.[2] Афф. *-қун* встречается в современных тюркских языках в форме *-қ*.[3]

Ограниченное использование афф. *-лар* позволяет предположить, что в памятниках категория множественного числа еще не оформилась окончательно. Афф. *-лар*, непродуктивные аффиксы *-т*, *-қун* передают не понятие множественности, а понятие

[1] Радлов, стр. 59.
[2] Харитонов, стр. 102.
[3] Кононов. Грамматика турецкого языка, стр. 71.

собирательности. Афф. *-лар* стал передавать понятие множественности только позднее. Таким образом, язык памятников подтверждает положение о том, что первоначально для тюркских языков было характерно не столько понятие множественности, сколько понятие собирательности.[4]

Существует много гипотез о происхождении афф. *-лар/-lär*.[5] Однако все они не позволяют считать решенным вопрос о происхождении этого аффикса.

Категория принадлежности

Категория принадлежности устанавливает отношение принадлежности между обладателем и предметом обладания.

Аффиксы принадлежности в памятниках следующие: 1 л. ед. ч. *-(ы)м*, 2 л. ед. ч. *-(ы)ŋ*, 3 л. ед. и мн. ч. *-ы/-і* (при основах на согласный), *-сы/-сі* (при основах на гласный), 1 л. мн. ч. *-мыз/-міз*, 2 л. мн. ч. *-ŋыз/-ŋіз*.

Аффиксы принадлежности 1 и 2 л. мн. ч. представляют собой форму множественного числа от соответствующих аффиксов 1 и 2 л. ед. ч., образованную с помощью афф. *-(ы)з*.[6] Аффикс принадлежности 3 л. передает понятие принадлежности как одному, так и нескольким лицам: *будун боғзы* 'горло народа' (Т 8), *Ӱч көрӱг кісі кälti, сабы бір* (Т 33) 'Пришли три лазутчика, слова их одинаковы'.

В памятниках всего шире используется морфологический способ выражения категории принадлежности (имя + аффикс принадлежности).

Категория определенности и неопределенности

В памятниках имя существительное может выступать в трех состояниях: нейтральном, определенном и неопределенном.

Нейтральное состояние имени существительного характеризуется отсутствием показателей определенности и неопределенности: *käjік jijӱ табысған jijӱ* 'питаясь оленями и питаясь зайцами' (Т 8). В позиции прямого дополнения существительное в нейтральном состоянии оформляется основным п.

Неопределенное состояние выражается с помощью слова *бір* 'один': *Бір кісі jaŋылсар...* 'Хотя один (какой-либо) человек и может ошибаться...' (Км 6).

Слово *бір* имеет два значения: числительное 'один' и неопределенный член.

---

[4] K. Grönbech. Der türkische Sprachbau. I. Kopenhagen, 1936, стр. 57—60, 65—69; Котвич, стр. 336; Рясянен, стр. 52.

[5] Рамстедт, стр. 57—58; Кононов. Грамматика турецкого языка, стр. 72—73; Кононов. Грамматика узбекского языка, стр. 76.

[6] Кононов. Грамматика турецкого языка, стр. 71.

Определенное состояние имени существительного выражается аффиксами принадлежности; указательным местоимением *бу* 'этот'; именем прилагательным локативным на *-дақы;* самим лексическим значением слова (имена существительные собственные). В позиции прямого дополнения имя в определенном состоянии оформляется винительным п.

В памятниках аффикс принадлежности 3 л. может утрачивать значение принадлежности и приобретать значение определенного члена: *Јазыŋа оғуз гапа сӱлӓдім* (М 31, 32) 'Летом того же года я пошел в поход на огузов' (ср. в турецком языке: *haftasına yerime adam aldılar*[7]).

Категория склонения

В языке памятников восемь падежей: основной, родительный, дательный, дательно-направительный, винительный, местно-исходный, исходный, инструментальный.

Основной п. не имеет особого показателя, оформляет подлежащее, именную часть сказуемого, прямое дополнение, обстоятельство времени, обстоятельственное дополнение места, определение в изафете I и II: *Біз қорқмадымыз* (Т 40) 'Мы не испугались', *Біз шӓг ӓртіміз* (Т 8) 'Мы были [для них] падалью' *Сарығ алтун, өрӱŋ кӱмӱс, қыз құдуз, ӓгрітӓбі, ағы буŋсыз кӓлӱрті* (Т 48) 'Он доставил желтое золото, белое серебро, девиц и женщин, драгоценные попоны и [другие] сокровища без числа', *Тӱн удымадым* (Кб 27) 'Я не спал ночью', *Ӓліг јыл ісіг кӱчіг бірміс* (Кб 48) 'Они пятьдесят лет отдавали [ему свои] труды и силы' *Мағы Құрған қышладуқда јут болты* (М 31) 'Когда [я] зимовал в Магы Кургане, случился падёж скота', *табғач қаған* 'табгачский каган' (Т 19), *Қаŋым қаған сӱсі* 'войско моего отца — кагана' (Кб 12).

Родительный п. образуется с помощью афф. *-ыŋ/-іŋ* (при основах на согласный) и *-ныŋ/-ніŋ* (при основах на гласный): *қаған-ыŋ*, 'кагана' (Оа 3), *бӓг-іŋ* 'бега' (Кб 33), *Баjырқу-ныŋ* 'племени Байырку' (Кб 6). В языке памятников родительный п. обозначает лицо, которому что-либо принадлежит. Аффикс родительного п. присоединяется только к существительным, обозначающим ли́ца, и к личным местоимениям; используется сравнительно редко.[8] Примеры: *Ӱчінч Јӓгін Сілїг бӓгіŋ кӓдімліг торығ ат бініп тӓгді* (Кб 33) 'В третий раз он бросился в атаку, сев на оседланного гнедого коня Йегин Силиг-бега', *Табғач, қағаңыŋ ічрӓкі бӓдізчіг ыты* (Км 12) 'Таб-

[7] Там же, стр. 99.
[8] Радлов, стр. 101.

гачи прислали придворных мастеров [своего] кагана', *Білга қағаныŋ будуны* (Оа 3) 'народ Бильге-кагана'.

Фонетическими вариантами аффикса родительного п. являются *-ыҕ и -ын: түрк будуныҕ аты күсі* (Кб 25) 'честь и слава тюркского народа', *Байырқуныŋ ақ адғыҕ удлықын сыju урты* (Кб 36) 'Он сломал бедро белого жеребца [племени] Байырку', *Қағаныŋын сабын алматын...* (Км 9) 'Не вняв словам твоего кагана...'

Тюркские языки можно разделить на две группы:

1) языки, в которых аффикс родительного п. после основ на согласный начинается с гласного (огузские языки, чувашский), например, туркм. *-ыŋ/-иŋ: ат-ыŋ* 'лошади', *эт-иŋ* 'мяса', чув. *-ăн/-ĕн: алăк-ăн* 'двери', *сетел-ĕн* 'стола';

2) языки, в которых аффикс родительного п. после основ на согласный начинается с согласного (остальные тюркские языки), например, узб. *-нинг: от-нинг* 'лошади'.

Существуют две точки зрения относительно формы аффикса родительного п. В соответствии с первой форма без начального согласного является первичной. Появление начального *н* в аффиксе объясняется морфологическим переразложением: конечный *н* основы личных местоимений перешел к аффиксу, затем форма с начальным согласным стала употребляться по аналогии после всех основ.[9] В соответствии с другой точкой зрения первичной является форма аффикса с начальным *н*.[10] По нашему мнению, первичной формой аффикса родительного п. следует считать форму с начальным гласным. В пользу этого говорят данные чувашского и монгольского языков. В чувашском языке аффикс родительного п. *-(ă)н/-(ĕ)н* (чув. *ă* соответствует *ы, ĕ* соответствует *і* в других тюркских языках).[11] Чувашский язык принадлежит к языкам очень древней формации.[12] В старописьменном монгольском языке аффикс родительного п. начинается с гласного: *кагад-ун* 'каганов'.[13] Начальные звуки аффиксов родительного и винительного п. обычно совпадают, что говорит об их общем происхождении.

Винительный п. образуется с помощью афф. *-(ы)ҕ/-(і)г* и после аффиксов принадлежности с помощью афф. *-(ы)н/-(і)н*: *будун-ыҕ* 'народ' (Км 10), *саб-ыҕ* 'речь' (Т 12), *іl-іг* 'иль' (Кб 3), *сӱ-г* 'войско' (Кб 34), *саб-ым-ын* 'мою речь' (Км 1), *қан-ыŋ-ын* 'твоего хана' (Т 3), *іl-іŋ-ін* 'твой иль' (Кб 2). *ат-ы-н* 'его коней' (Мхb 11).

---

[9] В. А. Богородицкий. Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию. Казань, 1934, стр. 34; Рамстедт, стр. 34; Радлов, стр. 61; Рясянен, стр. 56.

[10] Ф. Г. Исхаков. Имя существительное. ИСГТЯ, II, стр. 100.

[11] Ашмарин, стр. 74—75.

[12] Там же, стр. XIX, XXX; Баскаков. Тюркские языки, стр. 113—115.

[13] Рамстедт, стр. 34.

Функции винительного п. в памятниках значительно у́же, чем в современных тюркских языках, где винительный п. служит также для защиты смысла (неопределенный объект всегда оформляется винительным п., если он отделен каким-либо членом предложения от управляющего глагола). В языке памятников аффикс винительного п. является только средством выражения определенности объекта. Неопределенный объект всегда оформляется основным п. независимо от его позиции в предложении.

Примеры: *Қарағу әдгүті ургыл* (Т 34) 'Хорошенько держи караул', *Аҥығ біліг анта öjür ärміс* (Км 5) 'Они там усваивали дурные знания', *Қаған ат бунта біз біртіміз* (Кб 20) 'Мы дали [ему] тогда титул кагана'.

Винительным п. прямое дополнение оформляется в том случае, если объект определен логически или грамматически (определенное состояние имени).

1) Объект определен логически, т. е. как-то индивидуализирован, выделен из общей массы однородных предметов: *Оғуз јағы орду ғ басды* (Кб 48—49) 'Враги огузы напали на главную ставку' (речь идет об определенной ставке — ставке тюркского кагана), *Алты чуб соғдақ тапа сүлädім, будуны ғ анта буздым* (М 24—25) 'Я пошел в поход против согдийцев шести областей. Их народ я там победил'.

2) Прямое дополнение определено грамматически, т. е. оно выражено существительным собственным, существительным с аффиксом принадлежности, изафетом, передающим принадлежность, существительным, имеющим при себе определение, выраженное указательным местоимением или прилагательным локативным (на *-дақы*), субстантивированной частью речи, местоимением: *Ысбара білгä Күli чуры ғ јуғлаты* (К-Ч 24) 'Они погребли Ишбара Бильге Кули-чура', *Қағаны н тутдымыз* (Т 41) 'Их кагана мы схватили', *Табғач, қағаны ң ічräкі бäдізчіг ыты* (Км. 12) 'Табгачи прислали придворных мастеров [своего] кагана', *Бу сүг äіт* (Т 32) 'Веди это войско', *Төрт булу ң дақы будуны ғ қоп алмыс* (Кб 2) 'Они много забрали народа, находившегося по тем четырем сторонам [света]', *Қағанлы ғы ғ қағансыратмыс* (Кб 15) 'Тех, кто имел кагана, он лишил кагана'.

Основное значение аффиксов родительного и винительного п. — дефинитивное. Аффикс родительного п. обозначает определенный субъект обладания, аффикс винительного п. — определенный прямой объект.

В памятниках особенно ярко проявляется дефинитивный характер аффикса винительного п. (неопределенный объект в памятниках оформляется основным п. в любой позиции). На это указывал еще В. Радлов, отмечавший, что, возможно, аффикс винительного п. *-(ы)ғ* вообще не был вначале аффиксом падежа, а был лишь «местоименным аффиксом, обозначавшим

имя как определенное и соответствовавшим определенному артиклю».[14] На связь родительного и винительного п. указывал П. М. Мелиоранский.[15] Фонетическая и семантическая близость аффиксов родительного и винительного п. говорит об их общем происхождении.[16] Дефинитивное значение передает и аффикс принадлежности 3 л., восходящий к древнему личному местоимению 3 л. *ін*.[17]

Учитывая семантическую и фонетическую близость аффиксов винительного и родительного п. и аффикса принадлежности 3 л., развитие аффиксов падежей можно представить себе следующим образом. *Ін* — древнее личное местоимение 3 л.— дало аффикс принадлежности 3 л. и определенный член *-ын/-ін/-ыŋ/-іŋ*. Впоследствии этот аффикс стал использоваться как показатель определенного субъекта обладания и определенного прямого объекта. (Гипотезу о том, что аффикс родительного п. восходит к аффиксу принадлежности, выдвинул еще В. Радлов.[18]) Афф. *-ыŋ/-іŋ* продолжает использоваться в качестве аффикса родительного п. после основ на согласный в языке памятников и современных огузских языках, а также в чувашском языке. После основ на гласный в памятниках и современных огузских языках и после всех основ в остальных тюркских языках аффикс родительного п. имеет форму *-ныŋ/-нің* (в различных фонетических вариантах). *Н* основы личных местоимений 1 и 2 л. ед. ч. переходит к аффиксу *-ыŋ/-іŋ* и по аналогии употребляется с существительными.

В памятниках показатель определенного прямого объекта *-ыŋ/-іŋ* дал *-ығ/-іг* (переход *ŋ>г* частое явление в памятниках).[19] После аффиксов принадлежности сохраняется древняя форма аффикса *-ын/-ін*. *Н* сохраняется, видимо, под действием предшествующего носового *м* и *ŋ* в аффиксах принадлежности 1 и 2 л. ед. ч. и по аналогии после остальных аффиксов принадлежности.

В современных огузских языках аффиксы *-ығ/-іг* и *-ын/-ін* приняли в результате утраты конечного *г* и *н* форму *-ы/-і*. Аффикс винительного п. местоимений в памятниках и существительных в большинстве современных тюркских языков имеет форму *-ны/-ні*. *Н* основы личных местоимений 1 и 2 л. ед. ч. переходит к афф. *-ы/-і* и по аналогии употребляется со всеми личными местоимениями, а затем и с существительными.

Дательный п. в языке памятников образуется с помощью афф. *-қа/-кä*, который присоединяется как к основам на глухой со-

[14] Радлов, стр. 77.
[15] Мелиоранский, стр. 92.
[16] Кононов. Грамматика турецкого языка, стр. 95; Рамстедт, стр. 69
[17] Рамстедт, стр. 69, 72; Рясянен, стр. 18.
[18] Радлов, стр. 61.
[19] Кононов. Грамматика турецкого языка, стр. 96.

гласный, так и к основам на звонкий согласный и гласный: *jағы-қа* 'врагу' (К-Ч 23), *таш-қа* 'камню' (Км 11), *табғач-қа* 'табгачам' (К-Ч 12), *будун-қа* 'народу' (Кб 7), *јыл-қа* 'за год' (М 27), *јăр-кă* 'земле' (Т 47), *қапығ-қа* 'к воротам' (Км 4), *бу öд-кă* 'в это время' (Км 1).

После аффиксов принадлежности 1 и 2 л. ед. ч. и 3 л. аффикс дательного п. имеет форму *-а/-ä: қаған-ым-а* 'моему кагану' (Т 18), *түрк-ім-ä* 'моим тюркам' (Мха 10), *қаған-ыŋ-а* 'твоему кагану' (Кб 23), *äl-іŋ-ä* 'его илю' (О 4), *қут-ыŋ-а* 'на ее счастье' (Кб 31). *мк* > *м*, *ŋк* и *нк* > *ŋ* в результате прогрессивной ассимиляции (аффикс принадлежности 3 л. в формах косвенных падежей восстанавливает старую форму *-ын/-сын*).

В отдельных словах (названия стран света) используется афф. *-ја/-јä: бäрі-јä* 'на юг', 'на юге' (Т 7), *јыра-ја* 'на север' (Кб 14), *қуры-ја* 'на запад' (Т 14); *-ја/-јä* < *-ға/-гä* < *-қа/-кä* В интервокальной позиции *к* озвончается, а затем *г* переходит в *j*. Ср. турец. *baba* + *-ğa* > *baba* + *-ya*.[20] Таким образом, аффикс дательного п. в памятниках имеет две формы: начинающуюся с гласного (южный тип склонения, характерный для огузских языков) и начинающуюся с согласного (северный тип, характерный для большинства тюркских языков). Подобного рода смешанный тип склонения встречается и в некоторых современных тюркских языках, например, башкирском,[21] кумыкском.[22]

Начальная форма аффикса дательного п. — *-қа/-кä*. Формы *-а, -ја* являются его фонетическими вариантами.

Дательный п. указывает на конечный пункт в пространстве, куда направлено действие, оформляет косвенный объект и выражает отвлеченную цель (в дательном п. стоит название лица или предмета, в пользу которого или во вред которому совершается действие). Эти значения дательный п. имеет и в большинстве современных тюркских языков. Примеры: *Талуjқа кічіг тägмädім* (Км 13) 'Я немного не дошел до моря', *Қағаныма öтүнтім* (Т 12) 'Я обратился с просьбой к моему кагану', *Кämкä ілігқазғанурмäн* (Кб 9) 'Для кого я завоевываю иль?', *Табғач қағанқа јағы болмыс* (Кб 9) 'Он стал врагом табгачскому кагану'.

Дательный п. в языке памятников также оформляет объект, обозначающий место, время и срок совершения действия. (В современных тюркских языках эти значения передаются, как правило, местным п.) Примеры: *Јыраја оғузығ үкүсök өлүрті* (Т 7) 'На севере он поразил много огузов', *Күl тігін қоњ јылқа јіті јägірмікä учды* (Кб 53) 'Кюль-Тегин

---

[20] Там же, стр. 97.

[21] Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 64—65.

[22] Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 65.

улетел (т. е. умер) в год Овцы, семнадцатого числа', *Бір йылқа төрт йолы сүңүшдім* (М 30) 'За один год я сразился четыре раза'.

Дательно-направительный п. образуется с помощью афф. *-ғару/-ғärү* (<*-ға/-гä* + *-ру/-рү*): *йір-ғärү* 'к земле' (Км 8), *оғуз-ғару* 'к огузам' (Кб 48), *қаған-ғару* 'к кагану' (Т 20), *табғач-ғару* 'к табгачам' (М 35), *йыс-ғару* 'к черни' (Т 15).

После аффикса принадлежности 3 л. аффикс дательно-направительного п. имеет форму *-ару/-ärү*: *суб-ыŋ-ару* 'к его воде' (М 40), *йär-іŋ-ärү* 'к его земле' (М 40).

н + *г* > ŋ, *-н* + *-ғару* > *-ŋару* в результате прогрессивной ассимиляции.

В современных тюркских языках аффикс дательно-направительного п. сохранился только в некоторых словах (наречия). Например, турец. *ileri* 'вперед' < *il-* + *-gärü*, узб. *ил-гари* 'вперед', *таш-қари* 'вне', 'за пределами'. В усеченной форме этот аффикс образует дательный п. личных местоимений в кумыкском и татарском языках: кумык. *о-ғар*, тат. (говор) *ан-ғар*.[23] Аффикс дательно-направительного п. входит в состав аффикса сравнительного п. в якутском языке: *-таағар* < *-та* (аффикс местно-исходного п.) + *-ғары*.[24]

Дательно-направительным п. оформляется обстоятельственное дополнение места, обозначающее лицо, предмет, по направлению к которому совершается действие. Примеры: *Табғачғару Қуны сäңүніг ыдмыс* (Т 9) 'Он послал к табгачам Куны-сенгуна', *Өтүкän йысғару удыстым* (Т 15) 'Я провел войско к Отюкенской черни', *Табғачғару барды* (М 35) 'Он ушел к табгачам', *Бän äбгärү түсäйін* (Т 30) 'Я хочу отправиться домой'.

Местно-исходный п. образуется с помощью афф. *-да/-дä/-та/-тä*.

В языке памятников местно-исходный п. оформляет:

1) объект, обозначающий место или время совершения действия: *Йарыс йазыда тірілälім* (Т 33) 'Соберемся в Ярышской степи', *Ол күнтä тägті түрк будун Тämір қапығқа* (Т 46) 'В те дни тюркский народ достиг Темир-капыга';

2) объект, обозначающий исходный пункт действия: *Табғач қағанта Іcji, Ликäŋ kälti* (Кб 52) 'От табгачского кагана пришли Исьи и Ликенг', *Қырқызда йантымыз* (Т 29) 'Мы вернулись от киргизов';

3) объект, обозначающий лицо, предмет, от которого что-либо отчуждается, отнимается, берется: *Табғачда адырылты* (Т 2) 'Он отделился от табгачей', *Табғач қағанта*

---

[23] Ф. Г. Исхаков. Местоимения. ИСГТЯ, II, стр. 221.
[24] Харитонов, стр. 113.

бäдізчіг кälӱртім (Км 11) 'От табгачского кагана я привел резчиков', *Қағанымда адырылу бардыӈыз* (Оа 4) 'Вы покинули моего кагана';

4) объект сравнения: *Бізіӈтä äкі учы сыӈарча артуқ ärті* (Т 40) 'По сравнению с нами их два крыла были в полтора раза (букв. 'наполовину') многочисленнее'.

Таким образом, в языке памятников местно-исходный п. передает как локативные, так и аблативные значения.

Местный п. образуется во всех тюркских языках, за исключением чувашского и якутского, с помощью афф. *-да* в различных фонетических вариантах. В чувашском языке аффикс местного п. — *-ра/-ре*. В якутском языке афф. *-да* в значении аффикса местного п. встречается только в аффиксе, образующем локативные прилагательные: *уутаа-ғы* 'находящийся в воде'.

К числу падежных аффиксов можно отнести **афф. -ру/-рӱ** и **-ра/-рä**. Афф. *-ру/-рӱ* выражает направление, афф. *-ра/-рä* передает локативные значения: *Öltäчі будуныҕ тіріғрӱ ігітім* (Кб 29) 'Я поднял к жизни народ, обреченный на смерть', *Ташра јорыјур* (Кб 11—12) 'Он бродит снаружи' (т. е. за пределами своего иля), *Öӈрä тӱрк қағанғару сӱлälім* (Т 20) 'На востоке пойдем в поход против тюркского кагана'. Афф. *-ру/-рӱ* входит в состав сложного аффикса дательно-направительного п. *-ғару* < *-қа* + *-ру*.[25] В памятниках формы, образованные с помощью *-ра/-рä*, уже перешли в разряд наречий. Из современных тюркских языков афф. *-ра/-рä* используется только в чувашском, где выступает в функции аффикса местного п.: *хула-ра* 'в городе'.

М. Левицкий приходит к выводу о том, что аффиксы *-ра/-рä* и *-ру/-рӱ* представляют собой варианты одного и того же аффикса и что они не дифференцированы четко и все служат для выражения понятия направления и места.[26] (Это наблюдается и в памятниках.) По его мнению, афф. *-ра/-рä/-ру* выполнял функцию аффикса местного и дательного п. и только позднее был вытеснен из употребления и сохранился лишь в некоторых мертвых наречных образованиях.[27]

Афф. *-ру* ~ *-ра* является очень древним. На это указывает, во-первых, то, что он встречается во всех алтайских языках,[28] а во-вторых, то, что уже в памятниках этот аффикс был архаичным. Формы, образованные с помощью афф. *-ра*, перешли в разряд наречий. Афф. *-ру* в значении аффикса направительного п. использовался редко, чаще в этом значении использовался сложный афф. *-ғару*.

---

[25] Рясянен, стр. 65.

[26] M. Lewicki. Przyrostki przysłowkowe *-ra* ~ *-rä*, *-ru* ~ *-rü*, *-rï* ~ *-rı* w językach ałtajskich. — Collectanea Orientalia. Nr. 15. Wilno, 1938, стр. 35, 41.

[27] Там же, стр. 12.

[28] Рамстедт, стр. 44—46.

Семантическая общность аффиксов *-ра* и *-да* позволяет высказать предположение об их общем происхождении. Можно думать, что формы *-ра* и *-да* были фонетическими вариантами одного аффикса. Чередование *р*∼*т*∼*д* часто встречается в алтайских языках.[29] Если принять гипотезу М. Левицкого об общности аффиксов *-ра* и *-ру*, то можно прийти к выводу о том, что некогда в алтайских языках существовал аффикс *-ра* ∼ *-ру* ∼ *-да* ∼ *-ду*, передававший недифференцированно значения локативности, директивности и аблативности. Таким образом, можно рассматривать афф. *-ра* как древнюю форму местно-исходного п. Считать его заимствованием из нетюркского языка, как это пытаются делать Габен[30] и Рясянен,[31] нет никаких оснований.

Исходный п. употребляется в памятнике Тоньюкуку. Образуется с помощью аффиксов *-дан/-данјан/-дантајан/-дантан*, обозначает исходный пункт в пространстве: *Оғуздантан көрүг kälti* (8) 'От огузов пришел лазутчик', *Өŋдән қағанғару сӱ јорылым* (29) 'Пойдем в поход с востока на кагана', *Табғач, бäрідäнјän täg* (11) 'Табгачи, нападайте с юга', *Бäн јырдантајан тägäјін* (11) 'Я нападу с севера'.

Аффикс исходного п. един во всех тюркских языках (в различных фонетических вариантах), кроме чувашского. В чувашском языке аффикс исходного п. — *-ран/-рен*.

Относительно происхождения аффикса исходного п. существует много гипотез.[32] Наиболее убедительной представляется гипотеза Рясянена о происхождении аффикса исходного п. *-дан* от аффикса местного п. *-да* + аффикс инструментального п. *-н*.[33]

По мнению Г. И. Рамстедта, встречающиеся в памятниках формы на *-дантајан, -дантан, -данјан* в результате стяжения развились в современный афф. *-дан*.[34] Однако с этой гипотезой нельзя согласиться. В тех же памятниках мы встречаем афф. *-дан*. Афф. *-дантан* состоит из двух аффиксов исходного п. Такого рода сочетание встречается в кумыкском языке: *ер-ден-тин* 'с земли'[35] (правда, эта форма встречается редко). Афф. *-дантајан* < *-дан* + *-та* + *јан* 'сторона'; *-данјан* < *-дан* + *јан*. Слово *јан* 'сторона' функционирует в этих сочетаниях как послелог. Ср. *бір-дän сыŋар* 'с юга' (памятник Моюн-чуру).

---

[29] Котвич, стр. 50; Рамстедт, стр. 42, 58.
[30] Габен, стр. 90.
[31] Рясянен, стр. 64.
[32] Кононов. Грамматика турецкого языка, стр. 96—97; Рясянен, стр. 62.
[33] Рясянен, стр. 62.
[34] Рамстедт, стр. 43.
[35] Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка, стр. 57.

Инструментальный п. образуется с помощью афф. *-(ы)н: ағы-н* 'драгоценностями' (Км 5), *төрӱ-н* 'с почестями' (Мхb 10), *ӓр-ін* 'с воинами' (Кб 34), *қулқақ-ын* 'ухом', *көз-ін* 'глазом' (Мхb 11), *сӱŋӱг-ін* 'копьем' (Т 28), *јол-ын* 'по дороге' (Т 23), *қыш-ын* 'зимой' (Мха 2).

В языке памятников инструментальный п. обозначает:

1) Совместность, соучастность, сопроводительность: *Улуғ Іркін азқыња ӓрін тӓзіп барды* (Кб 34) 'Великий Эркин бежал с немногими воинами', *Тӱрк будун қанын болмајын табғачда адырылты* (Т 2) 'Тюркский народ, не будучи со своим ханом, отделился от табгачей'.

Из значения совместности развивается значение обстоятельства образа действия: *Тӱргӓс қағаныŋ қызын ӓртӓŋӱ улуғ төрӱн оғлыма алы бӓртім* (Мхb 10) 'Дочь тюргешского кагана я взял с большими почестями [в жены] моему сыну'.

2) Орудийность. Имя в форме инструментального п. выражает орудие, средство совершения действия, а также место, по которому, через которое совершается действие, и время совершения действия: *Сӱŋӱгін ачдымыз* (Т 28) 'Мы проложили путь копьями', *Анын бармыс* (Т 24) 'Он пошел по реке Аны', *Қышын қытаń тапа сӱлӓдім* (Мха 2) 'Я зимой двинулся против киданей'.

В современных тюркских языках аффикс инструментального п. сохранился только в некоторых словах (наречиях), например, в турецком языке: *kış-ın* 'зимой', *gündüz-ün* 'днем'.

Значения объекта действия и орудия действия связаны.[36] Учитывая совпадение показателей винительного п. (после аффиксов принадлежности) и инструментального п., можно прийти к заключению об их общем происхождении. В памятниках аффикс винительного п. обозначает определенный прямой объект. Это значение и явилось исходным для инструментального п.

Словообразование имен существительных

Аффиксами, образующими имена существительные в языке памятников, являются следующие.

-чы/-чі. Образует существительные, которые обозначают деятеля, лицо, занимающееся тем, что выражено исходной основой: *тамға-чы* 'хранитель печати' (Кб 53), *бӓдіз-чі* 'резчик' (Км 11), *јір-чі* 'проводник' (Т 26), *сығыт-чы* 'плакальщик' (Кб 4).

Этот аффикс широко используется во всех тюркских языках и в монгольском.

-дӓм: ӓр-дӓм 'мужество' (К-Ч 4). Афф. *-дӓм* используется в древнеуйгурском языке.[37]

[36] Насилов. Древнеуйгурский язык, стр. 34.
[37] Там же, стр. 20.

-ғ/-г и *-қ/-к* (при основах на гласный) и узкий гласный + *-ғ/-г, -қ/-к* (при основах на согласный). Перед *-қ* появляется преимущественно губной гласный: *арт-уқ* (К-Ч 25), *біс-ük* (Км 6). То же наблюдается и в древнеуйгурском языке.[38]

Аффиксы *-ғ/-г* и *-қ/-к* образуют существительные, обозначающие акт, процесс, результат действия, предмет, связанный с действием, обозначаемым исходной основой, и место действия.

Имеющиеся в памятниках примеры не позволяют установить четкие различия в значениях данных аффиксов. Примеры: *бil-* 'знать' — *бil-іг* 'знание' (Км 5), *булға-* 'волноваться' — *булға-қ* 'волнение' (М 29), *біті-* 'писать' — *біті-г* 'надпись' (Кб 53), *арт-* 'быть излишним' — *арт-уқ* 'излишек' (К-Ч 25), *ämгä-* 'мучиться' — *ämгä-к* 'мучение' (Кб 19), *öl-* 'умереть' — *öl-үг* 'труп' (Оа 3), *уч-* 'летать' — *уч-уқ* 'хищная птица' (Т 8), *қап-* 'закрывать' — *қап-ығ* 'ворота' (К-Ч 16), *көр-* 'видеть' — *көр-үг* 'лазутчик' (Т 8), *тур-* 'стоять' — *тур-уқ* 'остановка' (Т 24), *біс-* 'созреть' — *біс-ük* 'потомство' (Км 6).

В большинстве тюркских языков *-ғ* претерпел изменения, а *-қ* не изменился.[39] В ряде тюркских языков узкий гласный +*-г* перешел в короткий или долгий гласный. Например, в турецком языке: *kap-ı* 'дверь' < *kap-ığ, öl-ü* 'мертвец' < *öl-üg.*

-гү. В памятниках встречается только в одном слове — *көр-гү* 'повиновение' (Кб 23) от *көр-* 'повиноваться'. Этот аффикс широко использовался в древнеуйгурском языке.[40]

-ым/-ім. Образует существительные со значением:

1) названия предмета: *кäд-* 'одеваться' — *кäд-ім-ліг* 'одетый', 'в сбруе' (Кб 33);

2) количества, меры чего-либо: *сүŋүг бат-ым-ы қар* 'снег глубиной в копье' (Кб 36) от *бат-* 'погружаться', *бар* 'есть', 'имеется' — *бар-ым* 'имущество', 'все, что есть' (М 24).

С теми же значениями этот аффикс используется и в современных тюркских языках, например, турецком,[41] узбекском.[42]

-іŋ: *käl-іŋ-үн-ім* 'мои невестки' (Кб 49), *käl-іŋ* 'невестка' < < *käl-* 'приходить'. Изолированно этот аффикс встречается во всех тюркских языках.[43]

-ш. С помощью этого аффикса образуются существительные со значением процесса действия: *сүŋ-үш* 'битва' (Кб 15) от *сүŋ-*, глагольной основы, которая встречается в форме взаимного залога *сүŋ-үш-* 'сражаться'.[44]

-ч. Образует существительные от основ на *-н* (возвратно-страдательный залог), обозначающие действие или состояние:

---

38 Радлов, стр. 56.
39 Там же, стр. 56—57.
40 Насилов. Древнеуйгурский язык, стр. 65.
41 Кононов. Грамматика турецкого языка, стр. 117—118.
42 Кононов. Грамматика узбекского языка, стр. 117.
43 Радлов, стр. 59.
44 Там же, стр. 57.

öt-ün- 'просить' — *öt-ün-č* 'просьба' (Т 15), *u-* 'мочь' — *u-n-č* 'возможность' (Т 24). С тем же значением этот аффикс используется и в современных тюркских языках.[45]

Афф. *-č* < *-ča* < *чағ* 'время', 'мера'.[46]

-ma. Образует существительные, обозначающие процесс: *jäl-* 'быстро скакать' — *jäl-mä* 'набег' (Т 26).

Субстантивация в языке памятников осуществляется двумя способами: 1) синтаксически, когда слова, не входящие в разряд существительных, в определенном контексте приобретают предметное значение: *Балықдақы тағықмыс, тағдақы інміс* (Кб 12) 'Бывшие в городах поднялись в горы, бывшие в горах спустились', 2) морфологически, когда слова, не входящие в разряд существительных, приобретают предметное значение с помощью аффикса принадлежности 3 л.: *Улуғы шад ärti* (Т 5) 'Старший из них был шадом'.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

В памятниках четко выделяются как отдельная часть речи имена прилагательные. Основанием для их выделения служит семантика (прилагательные обозначают признак), синтаксическая функция (определение, именная часть именного сказуемого) и морфологические показатели (например, аффиксы *-қ*, *-сыз*). Эти три критерия, взятые в их совокупности, и позволяют провести четкую границу между именами прилагательными и другими частями речи.

Аффиксы прилагательных:

-лығ/-lig. Образует прилагательные, обозначающие наличие того, что выражено исходной основой: *кӱ-lig қаған* 'славный каган' (Кб 4), *кӱч-lig қаған* 'сильный каган' (Т 20), *қаған-лығ будун* 'народ, имеющий кагана' (Кб 9), *табғач ат-лығ сӱсі* 'конное войско табгачей' (Мха 1), *il-lig будун* 'народ, имеющий иль' (Кб 9).

Афф. *-лығ* в различных фонетических вариантах используется во всех тюркских языках. В большинстве современных тюркских языков конечный согласный выпал (кроме хакасского, тувинского, шорского, якутского).

-сыз/-сіз. Образует прилагательные, обозначающие отсутствие того, что выражено исходной основой: *тон-сыз јабыз јаблақ будун* 'жалкий и низкий народ, не имеющий одежды' (Кб 26), *біліг-сіз қаған* 'неразумный каган' (Кб 5), *Кӱмӱш кärгäк-сіз кälӱрті* 'Он доставил без счета серебро' (Кб 52).

---

[45] Кононов. Грамматика турецкого языка, стр. 122.

[46] Там же.

Афф. *-сыз* в различных фонетических вариантах используется во всех тюркских языках, кроме алтайского, тувинского, якутского, хакасского и шорского.

-қы/-кі. Образует прилагательные от основ, обозначающих место. Присоединяется к послелогу-аффиксу *-ра/-рä* и к аффиксу местно-исходного п. и дательного п. Примеры: *анта іч-рä-кі будун* 'находящиеся там народы' (Км 2), *öŋ-рä-кі äр* 'находящиеся впереди воины' (Т 25), *көŋӱл-тä-кі сабымын* 'мои слова, идущие из сердца...' (букв. 'находящиеся в сердце' Км 12), *бäрі-jä-кі будун* 'южные народы', *қуры-ja-қы jыр-ja-қы öŋ-рä-кі будун* 'западные, северные и восточные народы' (Т 17). Исходной основой может быть словосочетание: *төрт булуŋ-да-қы будун* 'народы, находящиеся по четырем сторонам' (Кб 2).

Этот аффикс широко используется в современных тюркских языках.

-ғы/-гі. Образует прилагательные, обозначающие племенную или территориальную принадлежность: *табғач-ғы бäгläр* 'табгачские беги' (Кб 7), *чöл-гі аз* 'степные азы' (Т 23).

Учитывая семантическую и фонетическую близость аффиксов *-ғы* и *-қы*, можно рассматривать *-ғы* как фонетический вариант афф. *-қы*. В древнеуйгурском языке афф. *-қы* имеет два варианта: *-қы-* и *-ғы*.[47]

-сағ/-сäг. Образует прилагательные относительные: *jыл-сағ будун* 'народ, имеющий скот' (Кб 26, *jылқы* 'скот'), *öд-сäг кӱч* 'временное могущество' (М 34).

-чығ. В памятниках встречается только раз. Образует прилагательное от прилагательного: *адын-чығ барқ* 'особое здание' (Км 12) от *адын* 'другой'. В древнеуйгурском языке встречаются параллельно две формы — *адын-сығ* и *адын-чығ*.[48] Поэтому можно преположить, что *-чығ* является фонетическим вариантом аффикса *-сағ/-сығ*.[49] Фонетическое соответствие *з/с ~ ч* встречается в памятнике Кюль-Тегину.

-кäн. Образует прилагательные относительные: *täŋрі-кäн* 'небесный', 'божественный' (О 5, 6).

-гä. В памятниках с помощью этого аффикса образуется только одно прилагательное: *бil-гä қаған* 'мудрый каган' (Км 1).

-ғ/-г и *-қ/-к* (при основах на гласный) и узкий гласный + *-ғ/-г, -қ/-к* (при основах на согласный). Образует как прилагательные, так и существительные. В данном случае мы имеем дело, возможно, с контаминацией двух различных по происхождению аффиксов — аффикса, образовывавшего существительные, и аффикса, использовавшегося для образования при-

---

[47] Щербак, стр. 117.
[48] Насилов. Древнеуйгурский язык, стр. 24.
[49] Насилов. Язык орхоно-енисейских памятников, стр. 19.

лагательных.[50] Примеры: *cil-ік қыз оғлын* 'чистым женским потомством' (Кб 7), *ыра-қ будун* 'далекие народы' (Км 5), *сӱч-іг ағысы* 'его сладкие дары' (Км 5), *јағу-қ ӓрсӓр* 'если быть близко' (Км 7).

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Количественные числительные

Бір 'один', *ӓкі* 'два', *ӱч* 'три', *төрт* 'четыре', *біш, бӓс* 'пять', *алты* 'шесть', *јәті, јіті* 'семь', *сӓкіз* 'восемь', *тоқуз* 'девять', *он* десять', *јәгірмі* 'двадцать', *отуз* 'тридцать', *қырқ* 'сорок', *ӓліг* 'пятьдесят', *јӓтміш* 'семьдесят', *сӓкіз он* 'восемьдесят', *јӱз* 'сто', *біс јӱз* 'пятьсот', *јәті јӱз* 'семьсот', *быŋ* 'тысяча', *тӱмӓн* 'десять тысяч', *ӱч тӱмӓн* 'тридцать тысяч', *төрт тӱмӓн* 'сорок тысяч'.

В большинстве тюркских языков сложные числительные из десятков и единиц образуются так: сначала ставятся десятки, затем единицы (турец. *on alti*).

В памятниках (а из современных тюркских языков только в языке желтых уйгуров) используется следующая система для выражения чисел, состоящих из десятков и единиц: сначала ставятся единицы, а затем уже десятки следующего класса. Примеры: *ӓкі јәгірмі* 'двенадцать' (Кб 28), *алты јәгірмі* 'шестнадцать' (Кб 31), *јәті јәгірмі* 'семнадцать' (Т 49), *ӱч отуз* 'двадцать три' (Т 19), *јәті отуз* 'двадцать семь' (М 27), *бір қырқ* 'тридцать один' (Кб 42).

В памятниках Кюль-Тегину и Бильге-хану используется и обычная для современных тюркских языков система счета: *қырқ артуқы јіті* 'сорок да еще семь', 'сорок семь' (Кб 15), *отуз артуқы бір* 'тридцать да еще один', 'тридцать один' (М 28, 29).

Неопределенные количественные числительные: *аз* 'мало', *ӱкӱш* 'много'.

Порядковые числительные

Порядковые числительные образуются от количественных числительных с помощью афф. *-нч* (при основе на гласный) и узкого гласного + *-нч* (при основе на согласный): *ӱч-інч* 'третий', *төрт-інч* 'четвертый', *біс-інч* 'пятый', *јіті-нч* 'седьмой', *он-ынч* 'десятый'.

Числительное 'второй' образуется с помощью афф. *-нті: ӓкі-нті* (Т 39). В значении 'первый' в памятниках используется слово *ілік* (Кб 44) или *ілкі* (Мха 1). Ср. турец. *ilk*.

---

[50] Кононов. Грамматика узбекского языка, стр. 154.

В большинстве тюркских языков аффикс порядковых числительных — *-(ы)нчы* в различных фонетических вариантах. Исключением являются чувашский (афф. *-мĕш*) и якутский (афф. *-ыс*) языки. Афф. *-мĕш* можно рассматривать как фонетический вариант *-(ы)нч*.[51] Афф. *-ыс* исторически также восходит к *-(ы)нч*.[52] Звук *н* выпал (ср. турец. *sora* < *sonra*), якутскому *с* в других тюркских языках соответствует *ч*.

В. Радлов высказывает предположение, что афф. *-(ы)нч* представляет собой сокращенную форму аффикса *-(ы)нчы*.[53] Той же точки зрения придерживается Г. И. Рамстедт.[54] А. М. Щербак считает, что аффикс порядкового числительного является либо аффиксом образования отглагольного имени типа *сäв-ін-ч* 'радость' в сочетании с аффиксом принадлежности 3 л., либо разновидностью древнего причастия типа *ат-ынч-у* 'брошенное'. Однако, по его мнению, установить, какой аффикс (*-ынч* или *-ынчы*) является первичным, пока нельзя.[55]

По мнению М. Рясянена, первичной формой аффикса следует признать *-(ы)нч*, а форма *-(ы)нчы* является сочетанием афф. *-(ы)нч* с аффиксом принадлежности 3 л.[56] В пользу этой гипотезы говорит, во-первых, использование афф. *-(ы)нч* в древнейших памятниках и, во-вторых, наличие аффикса *-мĕш* в чувашском языке, генетически связанном с древнейшим периодом алтайской общности и сохранившем ряд древних языковых черт.[57]

Собирательные числительные

Аффиксом собирательных числительных в памятниках является афф. *-ағу: ӱч-ägӱ* 'втроем' (Т 12). В современных тюркских языках собирательные числительные образуются с помощью различных аффиксов, но все они восходят к *-ағу*.[58]

МЕСТОИМЕНИЯ

Личные местоимения

Ед. ч. 1 л. *бäн* 'я' в памятнике Тоньюкуку, *мäн* в памятниках Бильге-хану и Кюль-Тегину. Родительный п. *бäн-іŋ*, *мäн-іŋ*; дательный п. *баŋа*, *маŋа* (*ä* > *а* в результате регрессивной ассимиляции, ср. турец. *ben* 'я' — *bana* 'мне', *н* + *г* > *ŋ*

51 Ф. Г. Исхаков. Числительное. ИСГТЯ, II, стр. 193.
52 Там же, стр. 194.
53 Радлов, стр. 71.
54 Рамстедт, стр. 67.
55 Щербак, стр. 120—121.
56 Рясянен, стр. 83.
57 Баскаков. Тюркские языки, стр. 115.
58 Ф. Г. Исхаков. Числительное. ИСГТЯ, II, стр. 196.

в результате прогрессивной ассимиляции); дательно-направительный п. *баŋару* < *бän* + *-ғару*; винительный п. *біні* (*ä* > *і* в результате регрессивной ассимиляции). В современных тюркских языках используется форма с начальным *м* (*мен*), за исключением турецкого (*ben*) и чувашского (*эпе, э* — протетический гласный[59]). Первичная форма *бän, б* > *м* (регрессивная ассимиляция).[60]

2 л. *сän* 'ты', дательный п. *саŋа* < *сän* + *-ға*, винительный п. *сіні* (*ä* > *а* и *ä* > *і* в результате регрессивной ассимиляции).

3 л. *ол* 'он', дательно-направительный п. *аŋару* < *ан* + *-ға-ру*.

В косвенных падежах местоимение 3 л. имеет основу *ан*. Это явление наблюдается во всех тюркских языках. Основа *ан* восходит к древнему личному местоимению 3 л. *ін* 'он'. В основном п. оно было вытеснено указательным местоимением *ол* 'тот'.[61] Использование в большинстве тюркских языков в косвенных падежах основы *он* обусловлено, по всей вероятности, аналогией.

Мн. ч. 1 л. *біз* 'мы', родительный п. *біз-іŋ*, дательный п. *біз-іŋ-ä*, винительный п. *біз-ні*, местно-исходный п. *біз-іŋ-тä*. В дательном п. и местно-исходном п. аффикс падежа присоединяется к форме родительного п. Подобное явление наблюдается и в современном уйгурском языке. 2 л. *сіз* 'вы'. Личное местоимение 3 л. мн. ч. в памятниках не встречается.

Местоимения 1 л. и 2 л. ед. ч. имеют общий элемент *н*. Значение его не совсем ясно. Возможно, это показатель принадлежности или признак формы основного п.[62] Элемент *-з* в *біз* и *сіз* — формант двойственно-множественного числа.[63]

Возвратные местоимения

В памятниках два возвратных местоимения: *öз* 'сердцевина', 'сущность' и *кäнтӱ*. *Öз* принимает аффиксы принадлежности (*öз-ім* 'я сам', *öз-і* 'он сам'). *Кäнтӱ* с аффиксом принадлежности не употребляется. Примеры: *Өзім қары болтым* (Т 56) 'Сам я состарился', *Кäнтӱ јаŋылтығ* (Кб 23) 'Ты сам совершил ошибки', *Кäнтӱ будуным* 'Мой собственный народ' (Кб 44).

В различных тюркских языках в качестве основы возвратных местоимений используются те же слова. Например, узб. *ўз*, турец. *kendi*.

Указательные местоимения

Бу 'этот', *ол* 'тот', винительный п. *буны*, местно-исходный п. *бунта*. В косвенных падежах восстанавливается древняя форма местоимения *бу* — *буŋ* ~ *муŋ*.[64]

[59] Рамстедт, стр. 69.
[60] Рясянен, стр. 10.
[61] Рамстедт, стр. 69, 71; Рясянен, стр. 18, 19.
[62] Кононов. Грамматика узбекского языка, стр. 172, 174.
[63] Там же, стр. 173.
[64] Рамстедт, стр. 75.

Вопросительные местоимения

Кäм 'кто', *нä* 'что', 'какой'. К числу вопросительных местоимений относится и слово *қаны* 'где' (Кб 9). Первоначально *қаны* было вопросительным местоимением. Его адвербиальное значение вторично.[65] Основой является *қан*[66] (ср. *қантан* 'откуда' Кб 23). Древними вопросительными основами в алтайских языках являются *қа* ~ *кä* (*кä-м, қа-н*) и *jа* ~ *jä* (*нä* < *jä, j* > *н*).[67]

Неопределенное местоимение

В качестве неопределенного местоимения в памятниках используется *нäŋ* 'нечто', 'какой-либо', 'любой': *Қач нäŋ äрсäр* 'как бы то ни было' (Т 20), *нäŋ jäрдäкі* 'находящийся в какой-либо стране' (Т 56). *Нäŋ* может удваиваться (очевидно, со значением интенсива): *Нäŋнäŋ сабым äрсäр бäŋгӱ ташқа уртым* (Км 11) 'Все слова, какие у меня были, я выбил на вечном камне'.

Нäŋ может усиливать отрицание: *Нäŋ буŋуғ jоқ* (Км 8) 'Нет у тебя никаких забот'.

Обобщающие местоимения

В качестве обобщающих местоимений в памятниках используются слова *қамуғ, қамуқ: Қамуқ балыққа тägдім* (Оа 1) 'Я напал на все города', *тӱрк қара қамуғ будун* 'весь тюркский народ' (Кб 8).

ГЛАГОЛ

В языке памятников глагол является уже вполне оформившейся частью речи. Ему присущи грамматические категории залога, наклонения, аспекта, времени, лица.

Все глагольные формы в языке памятников можно разделить на три группы: 1) формы, используемые только как verbum finitum, 2) формы, используемые в функции verbum finitum и в функции развернутых членов предложения (причастия), 3) неизменяемые глагольные формы, выступающие в функции обстоятельств (деепричастия).

Первая и третья группа форм восходят ко второй группе (причастиям).

---

[65] Радлов, стр. 75.
[66] Ф. Г. Исхаков. Местоимения. ИСГТЯ, II, стр. 238—239.
[67] Рамстедт, стр. 76—78.

Залог

Категория залога выражает различные отношения между субъектом и объектом, находящие свое выражение в форме глагола. В языке памятников пять залогов: основной, взаимный, возвратный, страдательный, понудительный.

Основной залог имеет нулевой показатель.

Взаимный залог в языке памятников выражает совместное действие двух и более субъектов.

Аффикс взаимного залога — *-(ы)ш*: *қач-ыш-* 'бежать вместе', 'разбегаться' (Оа 1), *сөзlä-ш-* 'беседовать' (Кб 26).

Взаимный залог образуется во всех тюркских языках с помощью афф. *-ш* ~ *-с*. Существует несколько гипотез о происхождении данного аффикса.[68] Наиболее убедительной представляется гипотеза о связи аффикса взаимного залога с показателем множественного числа *-з/-с*.[69] Например, в узбекском и киргизском языках аффикс взаимного залога используется как показатель множественного числа в 3 л.

Возвратный залог образуется с помощью афф. *-(ы)н: тут-ун-* 'держаться' (Т 25), *сäб-ін-* 'радоваться' (М 2), *қанла-н-* 'получить хана' (Т 2), *іт-ін-ӱ јарат-ун-у умадуқ* 'он не был в состоянии [что-либо] сделать для себя, создать для себя' (Кб 10).

Страдательный залог образуется с помощью афф. *-н* (при основах на гласный), *-ын/-ін* (при основах на *л*), *-ыл/-іl* (при основах на согласный, кроме *л*): *боғузла-н-* 'быть заколотым' (Т 26), *қыл-ын-* 'быть созданным' (Кб 1), *адыр-ыл-* 'отделиться', 'быть отделенным' (Т 2), *тір-іl-* 'собираться', 'быть собранным' (Т 33).

Понудительный залог образуется с помощью афф. *-т* (при основах на гласный), *-(ы)т, -(ы)р, -(ы)з* и *-тур/-тӱр* (при основах на согласный): *сӱlä-т-* 'вести в поход' (Т 43), *öl-ӱт-* 'убить' (Т 2), *öl-ӱр-* 'убить' (Кб 36), *täг-ӱр-* 'довести' (Т 19), *уд-ыз-* 'заставить следовать' (К-Ч 13), *бін-тӱр-* 'приказать сесть верхом' (Т 25), *ур-тур-* 'приказать выбить' (Км 2), *ал-тыз-* 'позволить взять' (Кб 38).

-ыз < *-ыр* ~ *-ур, -тыз* < *-тыр* ~ *-тур* (*р* ~ *з*).[70]

Афф. *-тур* состоит из двух элементов — *-т* + *-ур*.[71] Таким образом, аффиксы понудительного залога в языке памятников можно свести к двум элементам: *-ур* и *-т*. Аналогичные аффиксы понудительного залога используются и в других тюркских язы-

[68] Рясянен, стр. 160.
[69] Кононов. Грамматика узбекского языка, стр. 83.
[70] Рамстедт, стр. 169.
[71] Там же, стр. 157—159.

ках. Те же аффиксы мы находим в монгольском (*-či* < древн. *-ti, -r, -ri*) и корейском (*-čhi* <*-t', -ạri* ~ *-eri*) языках.[72] Использование одних и тех же аффиксов понудительного залога во всех алтайских языках говорит об очень древнем происхождении этих аффиксов. Поэтому все существующие гипотезы[73] не позволяют считать разрешенным вопрос о происхождении аффиксов понудительного залога.

Аспект

В памятниках глагол имеет четыре аспекта: положительный, отрицательный, возможности и невозможности. Положительный аспект особого показателя не имеет. Отрицательный аспект образуется с помощью афф. *-ма/-мä: қал-ма-ды* 'не остался' (Т 4), *бil-мä-з* 'не знает' (К-Ч 28). Аспект возможности и невозможности образуется от деепричастия на *-ы/-у* и глагола *у-* 'мочь' в положительной (аспект возможности) и отрицательной (аспект невозможности) форме: *артаты удачы* 'сможет погубить' (Кб 22), *ітінӱ јаратуну умадуқ* 'он не был в состоянии [что-либо] сделать для себя, создать для себя' (Кб 10).

Категория лица

Категория лица в языке памятников выражается с помощью следующих трех групп показателей лица.

1) Личные местоимения. С их помощью спрягаются все глагольные формы (за исключением форм желательного наклонения и прошедшего категорического времени) и имена. Сочетаясь с глагольными формами, местоимения сохраняют свой звуковой состав стабильным. Примеры: *қазғанур-мän* 'я завоевываю' (Кб 9), *болтачы-сän* 'ты будешь' (Мхb 14), *қорқур-біз* 'мы боимся' (Т 38), *бilip-сіз* 'вы знаете' (Кб 34). В памятнике Тоньюкуку один раз встречается форма *кältäчi-міз* 'мы придем' (Т 14). Возможно, *-міз* используется при основах на гласный.

Таким образом, спряжение в языке памятников в целом имеет аналитический характер, в отличие от современных тюркских языков, где спряжение осуществляется с помощью личных аффиксов, происходящих от личных местоимений, но уже утративших свою звуковую стабильность.

2) Личные аффиксы, с помощью которых образуются личные формы прошедшего категорического времени. Эти аффиксы следующие: ед. ч. 1 л. *-м: јорытды-м* 'я повел' (Км 4); 2 л. *-ғ/-г* (памятник Кюль-Тегину) и *-ŋ* (памятники Тоньюкуку и Онгинский): *барды-ғ* 'ты ушел' (Км 9), *өlті-г* 'ты умер' (Км 7), *ічікді-ŋ* 'ты подчинился' (Т 3), *бірті-ŋ* 'ты дал' (О 6); 3 л. ед.

[72] Там же, стр. 156—159.

[73] Кононов. Грамматика узбекского языка, стр. 194; Баскаков. Каракалпакский язык, стр. 343; Котвич, стр. 197; Рясянен, стр. 155.

и мн. ч. не имеет показателей лица и числа: *бäгläр тіді* 'беги сказали' (Т 36—37). Мн. ч. 1 л. *-мыз: барды-мыз* 'мы пошли' (Т 26), 2 л. *-гіз* (памятник Кюль-Тегину) и *-ŋыз* (Онгинский памятник): *öлтäчі ärті-гіз* 'вы бы умерли' (Кб 50), *адырылу барды-ŋыз* 'вы отделились' (Оа 4).

3) Личные аффиксы, образующие личные формы желательного наклонения (см. раздел, где рассматривается желательное наклонение, стр. 30).

I группа глагольных форм

I группа глагольных форм — формы, используемые только в функции verbum finitum. В эту группу входит повелительное наклонение, желательное наклонение и прошедшее категорическое время.

Повелительное наклонение выражает повеление, приказание, а также пожелание, разрешение, передаваемое через 3 л.

2 л. ед. ч. образуется двумя способами: с нулевым показателем наклонения — *äсід-* 'слушай' (Км 1), *јағыл-* 'присоединяйся' (Т 5); с помощью афф. *-ғыл/-гіл,* интенсифицирующего значения повелительного наклонения —*äсід-гіл* 'слушай же' (Км 2), *қарағу ур-ғыл* 'держи же караул' (Т 34).

2 л. мн. ч. образуется с помощью афф. *-ŋ* (при основах на гласный) и узкого гласного + *-ŋ* (при основах на согласный): *äсід-іŋ* 'слушайте' (Км 11), *сақын-ыŋ* 'думайте' (М 33), *толғатма-ŋ* 'не заставляйте страдать' (Мхb 13).

3 л. образуется с помощью афф. *-зун/-зӱн: болма-зун* 'пусть не будет' (Кб 11), *бар-зун* 'пусть пойдет' (Т 31). Один раз встречается форма на *-зу: јарлықа-зу* 'пусть смилостивится' (Т 53) и *-чун: бол-чун* 'пусть будет' (Кб 11). Возможно, здесь мы имеем дело с неправильным написанием, так как больше аналогичных форм мы не находим ни в памятниках, ни в древнеуйгурском языке. Форма на *-зун* + *тіјін* передает цель: *јоқ болмазун тіјін* 'чтобы не исчез' (Кб 11).

В тюркских языках, а также в монгольском, форма повелительного наклонения обычно не имеет особого показателя. Однако в памятниках, в древнеуйгурском языке,[74] в сельджукском языке,[75] а из современных тюркских языков в туркменском,[76] узбекском[77] и некоторых диалектах алтайского языка[78] 2 л. ед. ч. повелительного наклонения может быть образовано с помощью особых аффиксов *-ғыл/-гіл* ~ *-ғын/-гін* ~ *ғыр/-гір,* ин-

[74] Насилов. Древнеуйгурский язык, стр. 68.
[75] Altosmanische, стр. 177.
[76] А. П. Поцелуевский. Руководство для изучения туркменского языка. Ашхабад, 1929, стр. 157.
[77] Кононов. Грамматика узбекского языка, стр. 206.
[78] Грамматика алтайского языка. Казань, 1869, стр. 62.

тенсифицирующих значение повелительного наклонения. Широкое использование этих аффиксов в столь удаленных друг от друга и по месту и по времени языках показывает, что первоначально 2 л. ед. ч. повелительного наклонения имело особый показатель, который впоследствии был утрачен в большинстве тюркских языков.[79] Явление утраты личного показателя повелительного наклонения мы встречаем в саларском языке, где 2 л. мн. ч. и 3 л. повелительного наклонения совпадают с основой глагола, хотя ранее в саларском языке существовали личные показатели форм повелительного наклонения. Постепенно они стали исчезать (с XV в.).[80]

Афф. *-қыл/-ғыл,* по мнению В. Радлова, восходит к глаголу *қыл-* 'делать'.[81] Этой точки зрения придерживались Дени[82] и Котвич.[83] Учитывая, что причастие является единственной основой спряжения в тюркских языках,[84] можно предположить, что первоначальная, более полная форма 2 л. ед. ч. повелительного наклонения представляет собой древнюю причастную форму на *-ғын ~ -ғыл ~ -ғыр.*[85] Аффиксы *-ғын ~ -ғыл ~ -ғыр* при учете соответствия *л : р : н* имеют общее происхождение и восходят к одному источнику[86] — древнему причастию. В современных тюркских языках существует ряд прилагательных, образованных с помощью уже непродуктивных аффиксов *-ғын* и *-ғыр.* Например, узб. *сўл-ғин* 'увядший', *сез-гир* 'чуткий',[87] турец. *ger-gin* 'натянутый'.[88] В тувинском языке афф. *-ғыр* еще продуктивен.[89] Афф. *-ғыл* встречается в древнеуйгурском: *быч-ғыл* 'разрезанный'.[90] Семантика этих прилагательных говорит об их причастном происхождении. Можно предположить, что в основе формы причастия настоящего-будущего времени[91] и повелительного наклонения 2 л. ед. ч. лежит древнее причастие на *-ғыл ~ -ғын ~ -ғыр.* На семантическую связь настоящего-будущего времени и повелительного наклонения указывают, например, данные турецкого языка, где настоящее-будущее время, сопровождаемое повелительной интонацией, может обозначать повеление.[92]

---

[79] Котвич, стр. 259, 362 (примечание 58).
[80] Э. Р. Тенишев. Саларский язык. М., 1963. стр. 36—37.
[81] Радлов, стр. 91.
[82] Дени, § 609.
[83] Котвич, стр. 259.
[84] Там же, стр. 361 (примечание 53).
[85] Там же, стр. 362 (примечание 58).
[86] Кононов. Грамматика узбекского языка, стр. 208.
[87] Там же, стр. 156.
[88] Кононов. Грамматика турецкого языка, стр. 152.
[89] Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. М., 1961, стр. 199.
[90] Щербак, стр. 118.
[91] Баскаков. Каракалпакский язык, стр. 399—400.
[92] Кононов. Грамматика турецкого языка, стр. 229.

Форма повелительного наклонения 2 л. мн. ч. во всех тюркских языках имеет показатель -ŋ (чув. *-ар/-ер* < -ŋ + *-ыр;* чув. *р* соответствует *з* в других тюркских языках, звук ŋ выпал как неустойчивый; *-ыр* — показатель мн. ч.).

Рамстедт связывает афф. -ŋ с частицей *ан*, выражающей запрещение в чувашском языке.[93] Однако *ан* — заимствование из вотского языка [94] и поэтому не имеет ничего общего с афф. -ŋ. Некоторые исследователи считают, что -ŋ — аффикс принадлежности.[95] Но крайне сомнительно, чтобы форма наклонения могла быть образована путем присоединения аффикса принадлежности непосредственно к основе глагола.

В памятниках форма на *-ғыл/-гіл* могла передавать обращение не только к одному, но и ко многим лицам, а форма на -(ы)ŋ — обращение не только ко многим лицам, но и к одному лицу:[96] *Сабымын әдгүті әсідгіл, улаjу інііjігүнім, оғланым, бірікі оғушым, будуным* (Км 1) 'Речь мою хорошенько выслушайте, мои младшие родственники, потомки, союзные племена и народы', *Олурыŋ, тіjін тіміс. Jälmä, қарағу әдгүті ургыл, басытма, тіміс* (Т 34) 'Он сказал: «Сиди. Не торопись ехать, хорошенько держи караул, не дай себя победить»' (слова кагана обращены к одному лицу — Тоньюкуку). Частое сочетание аффикса -ŋ с показателем множественности *-ыз* в современных тюркских языках также показывает, что первоначально афф. -ŋ не включал понятие множественности.

Таким образом, можно предположить, что афф. -ŋ и афф. *-ғыл/-гіл* некогда имели одно и то же значение, а именно выражали повеление, обращенное как к одному, так и к нескольким лицам и, следовательно, не содержали в себе ни понятия единичности, ни множественности. Это позволяет высказать предположение об их общем происхождении: -ŋ < *-ғын* ~ *-ғыл* (выпадение начального *г* аффикса наблюдается, например, в форме дательного п. имен с аффиксом принадлежности: *будуным-а* < *будуным-ға*). За производной формой впоследствии закрепилось значение множественного числа.

Афф. *-зун* ~ *-сун* — общий для всех алтайских языков.[97] Таким образом, он восходит к эпохе алтайской общности. Поэтому сказать что-либо определенное о его происхождении нельзя, хотя на этот счет и существует ряд гипотез.[98]

Желательное наклонение выражает исполнимое, реальное желание. В памятниках используется в 1 л. ед. и мн. ч.

---

93 Рамстедт, стр. 82.
94 Ашмарин, стр. 317.
95 Böhtlingk. Über die Sprache der Jakuten. СПб., 1851, § 421; Радлов, стр. 91.
96 Рамстедт, стр. 82.
97 Там же, стр. 83.
98 Кононов. Грамматика узбекского языка, стр. 208.

1 л. ед. ч. образуется с помощью афф. *-j* (при основах на гласный) или афф. *-aj/-äj* (при основах на согласный) и аффикса лица *-ын/-ін: ölÿp-äj-ін* 'я убью' (Кб 10), *тÿс-äj-ін* 'отправлюсь-ка я' (Т 30), *joғлат-aj-ын* 'я хочу похоронить' (Т 31), *ыдма-j-ын* 'я не хочу посылать' (Т 33).

1 л. мн. ч. образуется с помощью афф. *-лым/-lім* (при основах на гласный) или афф. *-алым/-älім* (при основах на согласный): *joры-лым* 'пойдем!' (Т 35), *сÿлä-lім* 'пойдем-ка в поход' (Т 20), *бар-алым* 'уйдем!' (Т 27), *тірil-älім* 'соберемся!' (Т 32).

Прошедшее категорическое время образуется с помощью афф. *-ды/-ді/-ты/-ті* и личных аффиксов II группы, обозначает прошедшее однократное или многократное действие, достоверно известное говорящему: *Ілгäрÿ Шанту̧ jазықа тäгі сÿлäдім* (Км 3) 'На восток я ходил в поход до Шаньдунской равнины', *Äлігчä äр тутдымыз* (Т 42) 'Около пятидесяти человек мы пленили', *Бір jылқа тöрт jолы сÿ̧ÿшдім* (М 30) 'За один год я сразился четыре раза'.

Аффикс прошедшего категорического времени *-ды* в различных фонетических вариантах используется во всех тюркских языках (чув. *-ра* также восходит к *-ды*).[99] Существует ряд гипотез о происхождении формы прошедшего категорического времени.[100] Наиболее убедительной представляется гипотеза о происхождении формы на *-ды* от формы на *-дуқ*.[101] В пользу этой гипотезы говорит следующее. В ряде случаев форма на *-дук* выступает в функции verbum finitum в памятниках, в древнеуйгурском языке, а из современных тюркских языков в якутском (*-тах* соответствует *-дуқ*). С другой стороны, сравнительно недавно (словарь Махмуда Кашгарского, XI в.) форма на *-ды* использовалась в качестве определения.[102]

Дифференциация значений форм на *-дуқ* (перфект) и *-ды* (действие, законченное в прошлом и не связанное с настоящим) произошла в весьма отдаленный период, так как уже в памятниках их значения четко различаются.

II группа глагольных форм

II группа глагольных форм — формы, используемые как verbum finitum и в функции развернутых членов предложения. Причастие настоящего-будущего времени (для краткости будем называть его формой на *-р*), форма на *-мыс/-мыш* и форма на

---

99 Рамстедт, стр. 117.

100 Кононов. Грамматика турецкого языка, стр. 230; Кононов. Грамматика узбекского языка, стр. 215; Рясянен, стр. 229.

101 Баскаков. Каракалпакский язык, стр. 395—397, 440—443; Н. А. Баскаков. Причастие на *-ды/-ты* в тюркских языках. — Труды Московского института востоковедения, вып. 6. М., 1951, стр. 205—217; Щербак, стр. 150—151.

102 Баскаков. Каракалпакский язык, стр. 441.

-тачы в сочетании с личными местоимениями образуют систему простых временных, а в сочетании с глаголом *ӓр-* 'быть' в прошедшем категорическом времени — систему сложных временных форм изъявительного наклонения.

Причастие настоящего-будущего времени образуется с помощью аффиксов *-р, -jур/-jӱр* при основах на гласный, *-ыр/-ір, -ур/-ӱр, -ар/-ӓр* при основах на согласный: *ті-* 'говорить' — *ті-р* (Т 37), *јаса-* 'определять' — *јаса-р* (Кб 50), *јоры-* 'ходить' — *јоры-јур* (Кб 12), *біл-* 'знать' — *біл-ір* (Кб 34), *бір-* 'дать' — *бір-ӱр* (Кб 9), *тӓз-* 'бежать' — *тӓз-ӓр* (Т 38).

Отрицательный аспект образуется с помощью афф. *-маз/-мӓз: біл-* 'знать' — *біл-мӓз* (Км 7).

р>з, как и во многих других тюркских языках, например турецком.

Как видно из примеров, в памятниках для образования причастия настоящего-будущего времени используются аффиксы с широким и узким гласным. Преобладают аффиксы с узким губным гласным (*-ур/-ӱр*). Это наблюдается и в древнеуйгурском языке.[103] При основах на гласный используются параллельно аффиксы *-р* и *-јур*, например в памятнике Кюль-Тегину: *јаса-р* (Кб 50) и *јоры-јур* (Кб 12). Из имеющегося в памятниках материала не представляется возможным установить какую-либо семантическую разницу между аффиксами с узким и широким гласным.

Основное значение формы на *-р* — действие, совершающееся постоянно, регулярно, обычно, действие, естественное по своей природе, действие, являющееся постоянным признаком предмета. В памятниках форма на *-р* встречается в двух функциях: присубъектного определения и verbum finitum.

Форма на *-р* в функции присубъектного определения: *көрӱр көзім* 'мой [все] видящий глаз', *білір білігім* 'мой [все] знающий ум' (Кб 50), *білір білмӓз кісі* 'невежественные (букв. 'не знающие знания') люди' (Км 7), *ісіг күчіг бірӱр бунча төрӱг* 'столько илей, дающих силу и мощь' (Кб 30).

В функции verbum finitum форма на *-р* прежде всего выражает действие, происходящее обычно, регулярно, действие, естественное по своей природе. Это основное значение настоящего-будущего времени может конкретизироваться контекстом. В зависимости от контекста настоящее-будущее время в памятниках может передавать: а) длительное действие, совершающееся в момент речи, б) действие, которое совершится в будущем. В сочетании с прошедшим категорическим временем глагола *ӓр-* 'быть' (имперфект) форма на *-р* передает те же значения, но в плане прошедшего времени. Таким образом, имперфект может выражать: а) действие, происходившее в прошлом обычно,

---

[103] Насилов. Древнеуйгурский язык, стр. 58.

регулярно, б) длительное действие, происходившее в определенный момент в прошлом.

Учитывая специфику употребления формы на *-р* в языке памятников, ее следует рассматривать как вневременную форму, обозначающую действие как признак, проявляющийся вне определенного времени.[104] Это положение подтверждается данными других алтайских языков, в частности тунгусского, где она может передавать только что совершившееся действие,[105] и корейского, где форма на *-р* имеет совершенно неограниченное временное значение.[106] Временная соотнесенность формы на *-р* определяется контекстом и вспомогательным глаголом *ӓр-* 'быть'.

1) Форма на *-р* обозначает постоянное, обычное действие в плане настоящего или прошедшего времени: *Бір тодсар ачсық өмӓзсӓн* (Км 8) 'Если ты хоть раз насытишься, ты не думаешь о голоде', *Тӓгдӱкін тӱрк бӓгläр қоп білірсіз* (Кб 34) 'Вы все, тюркские беги, знаете, как он бросается в бой'. *Өд тӓŋрі јасар* (Кб 50) 'Судьбу (букв. 'время') определяет небо', *Сӱŋӱс болсар чӓріг ітӓр ӓрті* (К-Ч 9) 'Когда было сражение, он всегда предводительствовал войском', *Басыныѓма јаѓыр кälӱрір ӓртім* (Т 53) 'Повинующихся врагов я приводил'.

2) Форма на *-р* обозначает длительное действие, происходящее в определенный момент в плане настоящего или прошедшего времени: *Ташра јорыјур тіјін кӱ ӓсіді̇п...* (Кб 11) 'Услышав, что он ходит за пределами [своего иля],..' *Кӓмкӓ ілі̇г қазѓанурмӓн* (Кб 9) 'Для кого я завоевываю иль?', *Кӱl тігін ол сӱŋӱшдӓ отуз јашајур ӓрті* (Кб 42) 'Кюль-Тегину в той битве шел тридцатый год', *Ол суб қоды бардымыз, санаѓалы тӱсӱртіміз, атыѓ ықа бајур ӓртіміз* (Т 27) 'Мы пошли вниз по течению той реки. Чтобы пересчитать [свое войско], мы приказали остановиться, а лошадей мы привязывали к деревьям'.

3) Форма на *-р* выражает действие, которое произойдет в будущем: *Ӱчӓгӱн қабысып, сӱlälім, аны јоққысалым, тіміс. Тӱргӓс қаған анча тіміс: бӓніŋ будуным анта ӓрӱр* (Т 21) '«Втроем мы объединимся, отправимся в поход и уничтожим его», — сказали они. Тюргешский каган сказал так: «[И] мой народ там будет»', *Кälір ӓрсӓр кӱ ӓр ӱкӱлӱр* (Т 32) 'Если [кто] придет, число храбрых воинов увеличится'.

Формы настоящего-будущего времени используются во всех тюркских языках. В большинстве тюркских языков используются варианты аффикса с широким гласным, в некоторых тюркских языках употребляются параллельно варианты с широким и узким гласным (тувинский, турецкий). В турфанском диалекте используется узкий губной — *-ур*.[107]

---

[104] Котвич, стр. 236.

[105] Там же, стр. 239, 287.

[106] Рамстедт, стр. 87.

[107] Э. Р. Тенишев. Об уйгурских диалектах Синьцзяна.— Тюркологические исследования. М., 1963, стр. 139.

Форма на -мыс/-мыш (семантического различия между формами на *-с* и *-ш* нет) выражает состояние, наступившее в результате прошлого действия и приуроченное к основному временному фону повествования, т. е. имеет перфектное значение. Это первичное значение перфекта форма на *-мыш* имеет, когда она используется в функции определения и когда сочетается с прошедшим категорическим временем глагола *ӓр-* 'быть' (давнопрошедшее время). Выступая как verbum finitum форма на *-мыш* в памятниках используется для выражения действия, свидетелем которого говорящий не был, а знает о нем и судит о нем или со слов других лиц или на основании умозаключения (вторичное значение перфекта). В памятниках форма на *-мыш* используется только в 3 л., что объясняется спецификой ее значения (действие, свидетелем которого говорящий не был).

1) Форма на *-мыш* в функции присубъектного и приобъектного определения: *Тӓŋрі тӓг тӓŋрідӓ болмыш тӱрк білгӓ қаған бу ӧдкӓ олуртым* (Км 1) 'Подобный небу, рожденный на небе мудрый тюркский каган, я теперь сел на царство', *Анча қазғанмыс ітміс іліміз төрӱміз ӓрті* (Кб 22) 'Таков был иль и тёрю, который мы завоевали и устроили'.

2) Давнопрошедшее время. В сочетании с глаголом *ӓр-* 'быть' в прошедшем категорическом времени форма на *-мыш* выражает состояние, наступившее в результате прошлого действия и приуроченное к основному временному фону повествования, которым является прошедшее время: *Ол ӧдкӓ қул құллығ болмыс ӓрті* (Кб 21) 'К тому времени рабы уже стали рабовладельцами', *Оғуз тапа сӱлӓдім. Ілкі сӱ ташықмыш ӓрті. Ӓкінті сӱ ӓбдӓ ӓрті* (М 32) 'Я двинулся против огузов. Первое войско уже вышло в поход, второе войско было дома'.

3) Форма на *-мыш* в функции verbum finitum (прошедшее субъективное время) устанавливает факт совершения действия в прошлом, причем сам говорящий не был свидетелем действия, он знает и судит о нем или со слов других лиц или на основе умозаключения.[108] В начале большой надписи в честь Кюль-Тегина рассказывается о событиях, происходивших в далеком прошлом для создателей памятника, свидетелем которых говорящий не был и не мог быть. Аналогично употребление этой формы в начале Онгинского памятника.[109] Примеры: *Ӱзӓ тӓŋрі асра јағыз јір қылынтуқда ӓкін ара кісі оғлы қылынмыс* (Кб 1) 'Когда наверху было сотворено голубое небо, а внизу темная земля, между ними двумя были созданы сыны человеческие', *Ӓчӱміз апамыз Бумын қаған төрт булуŋығ қысмыс јығмыс јајмыс басмыс* (О 1) 'Наш предок Бумын-каган, говорят, четыре страны [света] подавил, сокрушил, рассеял, раздавил', *Антағ ӧдкӓ өкүніп Күл тігініг аз ӓрін іртӱрӱ ытымыз, улуғ сӱŋӱш сӱŋӱшміш, алп*

---

[108] Радлов, стр. 86, 105—107; Мелиоранский, стр. 126, 127.
[109] Радлов, стр. 105, 114.

Шалчы ақ атын бініп тägміш, қара түргіс будуныг анта өлүрміш алмыш, јана јорып... Қушу тутуқ бірlä сүŋүшміш, äрін қоп өлүрміс (Кб 40—41) 'Раскаявшись тогда, мы отослали Кюль-Тегина с небольшим числом воинов. Оказалось, что он дал большое сражение, бросился в бой, сев на белого коня героя Шалчы, уничтожил и взял [в плен] бóльшую часть тюргешского народа, снова пошел... Сразился, рассказывают, с Кушу-тутуком, его воинов всех перебил'.

В последнем примере говорится о большом сражении, которое выиграл Кюль-Тегин во время похода на тюргешей. Хан, не принимавший в этом участия, рассказывает о походе Кюль-Тегина, используя прошедшее субъективное время.[110]

Если суждение о действии выносится на основе умозаключения, с формой на *-мыш* используется модальное слово *äрінч*, выражающее предположение. Слово *äрінч* употребляется в историческом повествовании, где говорящий рассказывает о событиях, относительно которых он делает вывод на основе известных фактов:[111] *Біlігсіз қаған олурмыс äрінч, јаблақ қаған олурмыс äрінч* (Кб 5) 'Сели на царство, надо думать, неразумные каганы, сели на царство трусливые каганы' (известно, что первые каганы были храбрыми и сильными, а при их преемниках дела шли все хуже и хуже, отсюда делается вывод о недостатках последних), *Мän қазғантуқ üчүн түрк будун қазғанмыш äрінч* (М 33) 'Так как я совершал завоевания, то и тюркский народ, надо думать, [поэтому также] совершал завоевания'.

Форма на -тачы передает тенденцию к совершению действия с оттенком долженствования и возможности:[112] *öltäчі будун* 'народ, который умрет, должен умереть, может умереть'. Форма на *-тачы* выступает в функции определения, verbum finitum и в сочетании с *äр-* 'быть' в прошедшем категорическом времени (будущее-прошедшее время), выражая тенденцию к совершению действия в плане прошедшего времени. В отрицательном аспекте аффикс этой формы — *-мачы; -мачы* < *-ма*+*-дачы; -ма*+ +*-дачы*>*-мачы* в результате стяжения.

1) Форма на *-тачы* в функции определения: *öltäчі будун* 'народ, обреченный на смерть' (Кб 29).

2) Форма на *-тачы* — verbum finitum: *Ол jіргäрү барсар, түрк будун, öltäчісän* (Км 8) 'Если ты пойдешь в те земли, тюркский народ, ты погибнешь', *Бöдкä көріgмä бäгläр гү јаŋылтачысіз?* (Км 11) 'Разве вы, беги, подчиняющиеся престолу, сможете ошибиться?', *Бу јолын јорысар јарамачы* (Т 23) 'Не годится идти этим путем' (букв. 'не подойдет').

---

[110] Мелиоранский, стр. 26.
[111] Томсен, стр. 43.
[112] Радлов, стр. 118.

3) Будущее прошедшее время: *Јаблақ болтачы ärті* (М 31) 'Он готов был оробеть', *Өлүг јуртда јолта јату қалтачы ärтігіз* (Кб 49) 'Вы были [в опасности] лечь трупами на земле и дороге', *Күл тігін јоқ ärсär қоп өлтächі ärтігіз* (Кб 50) 'Если бы не было Кюль-Тегина, вы все погибли бы'.

В современных тюркских языках форма на *-тачы* не встречается. Возможно, к ней восходит причастие на *-ачы* в алтайском языке.[113] В *-тачы* ясно выделяется *-чы* (аффикс имени деятеля).[114] Значительно сложнее вопрос о происхождении элемента *-та*. Происхождение *-та* от аффикса имени действия *-ма* и аффикса местного п. *-да*[115] маловероятно, так как *-ма*+*-да*+ +*-чы* перешло бы *в -мачы,* а не в *-дачы* (форма на *-мачы* в папятниках имеет значение отрицательного аспекта формы на *-дачы*). То, что аффиксы отглагольных имен могут сочетаться с афф. *-чы* (типа *-ғучы, -мақчы*), позволяет прийти к выводу о том, что *-да/-та* является либо аффиксом древнего причастия на *-да/-та*[116] (входит в состав якутского аффикса *-тала,* обозначающего «действие, направленное сразу на много пунктов или совершаемое в больших масштабах»),[117] либо, что вероятнее, восходит к афф. *-дуқ*.[118]

Формы на *-р* и *-тачы,* сочетаясь с *ärміс* (прошедшее субъективное время глагола *är-* 'быть'), образуют **формы субъективной модальности.** *Ärміс* осложняет значение соответствующей формы оттенками, присущими прошедшему субъективному времени (действие, о котором говорящему известно со слов других, предположительность). Примеры: *Ырақ будунығ анча јағутыр ärміс* (Км 6) 'Они привлекали, говорят, к себе далекие народы', *Үзä тäŋрі täр ärміс* (О 3) 'Небо наверху, надо думать, говорило', *Нäŋ јärдäкі қағанлығ будунқа бүнтүгі бар ärсär, нä буŋы бар ärтächі ärміс* (Т 56) 'Если бы в какой-нибудь стране у народа, имеющего кагана, оказался какой-либо бездельник, что за горе терпел бы (букв. 'имел бы') этот народ'.

Форма на *-ғулуқ* — причастие, выражающее долженствование или потенциальную возможность. Встречается только в памятнике Тоньюкуку (в значении потенциальной возможности): *Јуjқа қалын болсар топлағулуқ алп ärміс, jінчгä јоған болсар үзгүлүк алп ärміс* (13—14) 'Если тонкое сделается толстым, тот, кто может собрать [толстое], — герой. Если слабое сделается крепким, тот, кто может разорвать [крепкое], надо думать, герой'.

---

113 Н. А. Баскаков. Алтайский язык. М., 1958, стр. 32—33.
114 Котвич, стр. 307—308.
115 Баскаков. Каракалпакский язык, стр. 435.
116 Котвич, стр. 308; Рамстедт, стр. 112—113.
117 Ястремский, стр. 108.
118 Баскаков. Каракалпакский язык, стр. 436.

В современных тюркских языках форма на *-ғулуқ* не встречается, кроме алтайского языка и хотанского диалекта уйгурского языка. В алтайском этот аффикс (в форме *-ғалақ*) образует причастие, обозначающее еще не совершившееся действие: *садыл-ғалақ аш* 'еще не проданный хлеб' (т. е. хлеб, который может, должен быть продан). В хотанском диалекте уйгурского языка *-ғулуқ* передает «состояние действующего лица».[119] Обычно афф. *-ғулуқ* рассматривается как сочетание афф. *-ғу* (образует имена от глаголов) и *-луқ* (аффикс, образующий прилагательные).[120] Однако, исходя из семантики формы на *-ғулуқ*, которая обозначает в памятниках возможность, намерение, желание совершить действие, можно думать, что *-ғулуқ*<*-ғај*~ ~*-ғуј* (аффикс желательного наклонения) + *-луқ*.

Особую группу отглагольных форм составляют **отглагольные прилагательные на -(ы)ғма и -ғучы.** Они отличаются от причастий тем, что уже утратили в значительной степени связь с глаголом. Никакого временного значения они не передают и не выступают в функции verbum finitum. Однако в полном смысле прилагательными их все же назвать нельзя, так как они могут иметь при себе второстепенные члены. Более ярко связь с глаголом проявляется у формы на *-(ы)ғма*, которая может даже выступать в функции приобъектного определения, имея при себе собственный субъект.

Форма на *-(ы)ғма* обозначает действие как признак, проявляющийся вне определенного времени: *бödkä körігmä bägläp* 'беги, повинующиеся престолу' (Км 11), *il бірігмä täŋri* 'небо, дарующее иль' (Кб 25), *Тінäсі оғлы јатығма тағ* 'гора, где жил сын Сына Неба' (вассал китайского императора) (Т 47).

Афф. *-(ы)ғма*<*-ығ* (аффикс вторичной глагольной основы — понудительного залога) + *-ма*, аффикс, образующий имена от глаголов (*јäl-mä* 'поход'). Данные языка памятников позволяют думать, что отглагольные прилагательные, образуемые в современных тюркских языках с помощью *-ма* (турец. *уар-та* 'искусственный'), восходят к форме на *-(ы)ғма.* Формант *-(ы)ғ* как фонетически неустойчивый [121] выпал.

Форма на *-ғучы* выражает действие, совершаемое лицом постоянно, обычно, в силу его принадлежности к определенной профессии. В памятниках встречается в субстантивированной форме: *барқ іт-гӱчі* 'строитель', *таш іт-гӱчі* 'резчик по камню' (Кб 53), *-ғучы*<*-ғу* (аффикс отглагольного имени) + *-чы* (аффикс имени деятеля).

Форма на -дуқ— продуктивная и широко используемая форма. В памятниках она выступает как определение (присубъект-

[119] Э. Р. Тенишев. Об уйгурских диалектах Синьцзяна, стр. 146.
[120] Рясянен, стр. 230.
[121] Баскаков. Каракалпакский язык, стр. 455.

ное и приобъектное), как verbum finitum, как прямое или косвенное дополнение и как обстоятельство времени и причины.

В функции развернутого члена предложения форма на *-дуқ* может передавать действие, одновременное с фоном повествования или предшествующее ему. Временная соотнесенность формы на *-дуқ* в этом случае определяется контекстом. В функции verbum finitum форма на *-дуқ* передает значение перфекта.

1) Форма на *-дуқ* — присубъектное и приобъектное определение: *қағанладуқ қаған* 'царствовавший каган' (O 2), *қулқақын äсідмädүк будунымын* 'мой народ, который не слышал ушами' (Mxb 11), *өтүнтүк өтүнчім* 'просьба, с которой я обратился' (T 15).

2) Как verbum finitum форма на *-дуқ* используется в памятниках только в отрицательном аспекте. В отдельных случаях форма на *-дуқ* встречается в этой функции в древнеуйгурском (также, как правило, в отрицательном аспекте) [122] и староосманском.[123] Ограниченное использование формы на *-дуқ* в качестве verbum finitum не позволяет точно установить ее значение. Насколько можно судить по данным памятников, форма на *-дуқ* передавала то же значение, что и форма на *-мыс*, но в отрицательном аспекте, о чем говорит ее употребление параллельно с формой на *-мыс*. Примеры: *Табғач қағанқа јағы болмыс. Јағы болып ітінү јаратуну умадуқ, јана ічікміс* (Кб 10) 'Он стал врагом табгачскому кагану. Став врагом, он не мог [что-либо] сделать для себя, создать для себя и снова подчинился', *Оғлы та қаған болмыс äрінч. Анта кісрä інісі äчісін täг қылынмадуқ äрінч, оғлы қаɣын täг қылынмадуқ äрінч, біліgсіз қаған олурмыс äрінч* (Кб 4—5) 'И сыновья их стали каганами. Затем их младшие братья не были, надо думать, созданы подобно старшим, а сыновья не были подобны отцам, и сели на царство, надо думать, неразумные каганы'.

Характерной особенностью языка памятников является то, что форма на *-мыс* никогда не употребляется в отрицательном аспекте. (То же наблюдается и в древнеуйгурском языке, где использование этой формы в отрицательном аспекте представляет собой редкое явление.) [124] В том случае, если возникает необходимость передать ее значение в отрицательном аспекте, используется форма на *-дуқ*, как в приведенных выше примерах.

Такая специфика употребления форм на *-мыс* и *-дуқ* позволяет предположить, что первоначально для выражения перфекта в тюркских языках использовались две формы: форма, передававшая значение перфекта и включавшая в себя значение положительного аспекта *(-мыс)* и форма, передававшая значение перфекта и включавшая в себя значение отрицательного аспекта (*-ма* + *-дуқ*). Можно предположить, что некогда значение

[122] Щербак, стр. 134, 151; Насилов. Древнеуйгурский язык, стр. 55.
[123] Altosmanische, стр. 174.
[124] Щербак, стр. 138.

аспекта и временное значение глагольных форм в тюркских языках были связаны значительно теснее, чем сейчас.

Отсутствие в памятниках формы на *-дуқ* в положительном аспекте как verbum finitum объясняется тем, что, видимо, значения формы на *-мыс* и формы на *-дуқ* были очень близки и в значении перфекта форма на *-дуқ* была вытеснена формой на *-мыс* (в положительном аспекте). Впоследствии (в современных огузских языках) форма на *-мыс* полностью вытеснила форму на *-дуқ* в значении перфекта не только в положительном, но и в отрицательном аспекте.

3) Форма на *-дуқ* в функции развернутого дополнения, обстоятельства времени и причины может принимать аффиксы принадлежности и изменяться по падежам. Субъект действия при форме на *-дуқ* может быть выражен аффиксом принадлежности, именем в основном падеже и контекстом.

Форма на *-дуқ* — развернутое дополнение: *Біlтӱкімін бунча бітіг бітідім* (К-Ч 28) 'То, что мне было известно, я так написал', *Бунча ісіг кӱчіг біртӱкгärӱ сақынматы, тӱрк будун, ölӱräjін уруғсыратajын, тір ärміс, joқaду барыр ärміс* (Кб 10) 'И вот, оказывается, тюркский народ, не думая отдавать [табгачам свои] труды и силы, шел к гибели, говоря: «Лучше я [сам себя] погублю и искореню»'.

Форма на *-дуқ* в роли развернутого обстоятельства времени может стоять в местно-исходном п., в местно-исходном п. в сочетании с послелогом *кісрä/käсрä* 'после' и в дательном п.

Форма на *-дуқ* в местно-исходном падеже: *Мағы Қурған қышладуқда jут болты* (М 31) 'Когда [я] зимовал в Магы-Кургане, случился падёж скота', *Äчім қаған олуртуқда, өзім тардуш будун ӱзä шад ärтім* (Кб 17) 'Когда мой дядя был каганом, сам я был шадом над народом тардуш'.

Форма на *-дуқ* в дательном п.: *Тäŋрі jарылқадуқ ӱчӱн өзім олуртуқыма төрт булуŋдақы будуныҕ ітдім jаратдым* (Мхb 9) 'Когда я по милости неба сам воссел [на трон], я привел в порядок и устроил народы четырех стран [света]'.

Форма на *-дуқ* в местно-исходном п. в сочетании с послелогом *кісрä/käсрä* 'после': *Jағру қонтуқда кісрä аңыҕ біліг анта öjӱр ärміс* (Км 5) 'После того, как они селились вблизи [табгачского народа], они усваивали там дурные знания', *Ол қан joқ болтуқда käсрä äl jітміс ычғынмыс қачышмыс* (О 1) 'Когда того хана не стало, [наш] иль погиб, рассеялся, разбежался'.

Форма на *-дуқ* в роли развернутого обстоятельства причины выступает в сочетании с послелогом *ӱчӱн: Тäŋрі кӱч біртӱк ӱчӱн қаŋым қаған сӱсі бöрі täg ärміс, jағысы қоң täg ärміс* (Кб 12) 'Так как небо дало [ему] силу, войско моего отца-кагана было подобно волкам, а враги его были подобны овцам', *Тäŋрі jарлықадуқ ӱчӱн, мän қазғантуқ ӱчӱн тӱрк будун қазғанмыш ärінч* (М 33) 'Так как небо было [ко мне] благо-

склонно, а я сам совершал завоевания, то и тюркский народ, надо думать, [поэтому также] совершал завоевания', *Ічікдің. Ічікдўқ ўчўн тäңрі ölўтміс äрінч* (Т 3) 'Ты подчинился. Так как [ты] подчинился, небо, надо думать [тебя] поразило'.

С формой на *-дуқ* генетически связана форма на *-сық*.[125] Соответствие *т(д)/ш ~ с* широко распространено в тюркских языках (например, якутскому *т* соответствует *с* других тюркских языков). Форма на *-сық* в памятниках представляет собой отглагольное имя, обозначающее действие вне связи со временем.[126] Используется в функции развернутого члена предложения. Примеры: *Тўн удысықым kälmädi* (Т 12) 'Ночью ко мне не шел сон', *Іl тутсықыңын бунта уртым* (Км 10—11) 'Я написал (букв. 'выбил') здесь о том, как ты создал иль', *іl тутсық jip* (Км 4) 'место, где создан иль'.

Форма на *-дуқ* продуктивна в современных огузских языках и якутском (*-тах* соответствует *-дуқ*). В других тюркских языках в функции формы на *-дуқ* используется форма на *-ған*. В памятниках форма на *-дуқ* выступает и как verbum finitum, полностью соответствуя, таким образом, форме на *-ған*.

III группа глагольных форм — деепричастия

Деепричастия представляют собой неизменяемые глагольные формы, выступающие в предложении в функции обстоятельств.

Деепричастие на -(ы)п выражает действие, предшествующее другому действию и характеризующее последнее с точки зрения образа действия, времени, причины; реже — действие, происходящее одновременно с действием главного сказуемого предложения: *Äң ілкі Тадықын Чурыңбоз атығ бініп тägді* (Кб 32) 'Сначала он бросился в бой, сев на серого коня Тадыкын Чура', *Öкўніп сўлädім* (М 38) 'Посоветовавшись, я пошел в поход', *Ол сабығ äсідіп тўн удысықым kälmaді* (Т 12) 'Когда [я] услышал эти слова, ночью ко мне не шел сон', *Аны köріп анча біліңп* (Км 13) 'Смотря на него, так и знайте', *Örtчä қызып kälті* (Т 40) 'Он пришел, пламенея, как пожар'.

Деепричастие на -(ы)пан выражает действие, предшествующее действию главного сказуемого: *Олурыпан тўрк будуныңіlін törўсін тута бірміс іті бірміс* (Кб 1) 'Сев на престол, они создавали и устраивали иль и тёрю тюркского народа', *Cäläңä қоды jорыпан...* (М 37) 'Спустившись вниз по Селенге...'

В памятниках деепричастия на *-(ы)п* и *-(ы)пан* в отрицательном аспекте не используются. В отрицательном аспекте

[125] Баскаков. Каракалпакский язык, стр. 443.
[126] Радлов, стр. 119.

форме на *-(ы)п* соответствует **деепричастие на -маты**, форме на *-(ы)пан* — **деепричастие на -матын**:[127] *Қағаныңын сабын алматын jip cajy бардығ* (Км 9) 'Не вняв словам своего кагана, ты ходил по разным землям', *Түн удыматы, күнтүз олурматы қызыл қаным төкті, қара тәрім jүгүрті* (Т 51—52) '[Я] не спал ночью, не имел покоя днем, лилась моя красная кровь, тек мой черный пот'.

Деепричастие на *-(ы)п* используется во всех тюркских языках, кроме якутского и чувашского. По Г. И. Рамстедту, *-(ы)п*<*-ba*∼*-bi* (аффикс перфекта). В монгольском *-bai, -bei, -ba, -be* является показателем прошедшего времени изъявительного наклонения.[128] Гипотеза Г. И. Рамстедта представляется вполне убедительной.

Деепричастие на *-(ы)п* выражает главным образом действие, предшествующее действию, выраженному личной формой глагола. Семантическая связь между прошедшим временем и деепричастием, обозначающим действие, предшествующее другому действию, очевидна: обе формы выражают действие, происходящее до определенного момента. В первом случае этот момент обозначается моментом речи, во втором — другой глагольной формой.

Деепричастие на *-(ы)пан* встречается в древнеуйгурском,[129] староосманском,[130] турецких[131] и азербайджанских диалектах в различных фонетических вариантах — *-(ы)бан/-(ы)баны/-(ы)банын/-(ы)баныңын*. Афф. *-(ы)пан*<*-(ы)п*+*-ан, -ан*<*-ын* — аффикс инструментального п.[132]

Развитие деепричастия на *-(ы)п* можно представить себе следующим образом. Первоначально форма на *-(ы)п* была перфектом. В сочетании с аффиксом инструментального п. форма на *-(ы)п* стала использоваться как обстоятельство образа действия и, утратив причастно-именные признаки, превратилась в деепричастие. Впоследствии конечное *-ан* выпало (выпадение конечного *н* — частое явление). Таким образом, форма на *-(ы)пан* — более полная, древняя форма деепричастия на *-(ы)п*. В пользу этой гипотезы говорит и то, что в памятниках деепричастие на *-(ы)пан* обозначает действие, предшествующее другому действию, что, как говорилось выше, является первичным значением деепричастия на *-(ы)п*.

Следует сказать, что вообще большинство деепричастий в алтайских языках возникло путем присоединения падежных аффиксов к причастным формам.[133]

---

127 Габен, стр. 124.
128 Рамстедт, стр. 122—123.
129 Насилов. Древнеуйгурский язык, стр. 50—51.
130 Altosmanische, стр. 175.
131 Ahmet Caferoğlu. Die anatolischen und rumelischen Dialekte. — Philologiae Turcicae Fundamenta, t. I. Wiesbaden, 1959, стр. 258.
132 Рясянен, стр. 192.
133 Котвич, стр. 307.

Характерной особенностью языка памятников является то, что аффикс отрицания *-ма* никогда не сочетается с афф. *-(ы)п* и *-(ы)пан*. Аналогичное явление наблюдается и в некоторых современных тюркских языках (например, туркменском, казахском), где афф. *-ма* не может сочетаться с *-(ы)п*.

Как говорилось выше (см. стр. 37), данные памятников позволяют предположить, что некогда значения перфекта и аспекта были тесно связаны. Положительный аспект передавался формами на *-мыс* и *-(ы)п*, отрицательный аспект — формой на *-мадуқ*. Таким образом, форме перфекта на *-(ы)п* соответствовала в отрицательном аспекте форма на *-мадуқ*. Когда форма на *-(ы)п*, приняв аффикс инструментального п., перешла в разряд деепричастий, соответствующая ей форма на *-мадуқ* также приняла аффикс инструментального п. и перешла в разряд деепричастий: *-мадуқ + -ын > -матын* (в памятниках) ~ *-мадын* (в древнеуйгурском языке).[134]

После утраты конечного *н* формой на *-(ы)пан* в отрицательном аспекте по аналогии ей стала соответствовать форма на *-маты*.

Таким образом, положительный и отрицательный аспекты деепричастия, обозначавшего действие, которое предшествует другому действию, первоначально обозначались различными формами. Этим и объясняется отсутствие сочетания афф. *-ма* и *-(ы)п* в некоторых современных тюркских языках. Интересно отметить, что в туркменском языке в отрицательном аспекте деепричастию на *-(ы)п* соответствует форма на *-маан<-ма+ + -ан(<-ган)*, которая функционально совпадает с формой на *-мадуқ*.

Рассматривать элемент *-мат~-мад* как показатель отрицательной формы деепричастия на *-а*[135] нельзя, так как отрицательный аспект этого деепричастия (на *-маjын*) восходит не к форме на *-мадын*, а к форме на *-ма + -ган + -ын*, где *-ма* — аффикс отрицания, *-гаj* — аффикс причастия желательной формы будущего времени,[136] *-ын* — аффикс инструментального п.

В памятниках есть три деепричастия, основным значением которых является передача действия, совершающегося одновременно с другим действием. Это **деепричастие на -а/-ä** (при основах на согласный), и *-ja/-jä* (при основах на гласный), **деепричастие на -ы/-і** (при основах на согласный) и *-jы/-ji* (при основах на гласный) и **деепричастие на -у/-ӱ** (при основах на согласный) и *-jу/-jӱ* (при основах на гласный).

Деепричастие на *-а* выражает действие, одновременное с действием главного сказуемого предложения, или, реже, предшествующее ему: *Joқару ат jätä jадағын, ығач тутуну аҕтур-*

134 Другую этимологию этой формы см.: Рясянен, стр. 193.
135 Щербак, стр. 160—161.
136 Баскаков. Каракалпакский язык, стр. 447, 464.

тым (Т 25) 'Я поднялся на гору, ведя лошадь на поводу, пешком, держась за деревья', *Қарағын қысдылата äбін барқын анта буздым* (М 37) 'Сильно тесня [их], я там разорил их дома', *Ат üзä бінтүрä қарығ сөкдім* (Т 25) 'Приказав сесть на коней, я пробил снег'.

Использование деепричастия на *-а* для обозначения действия, предшествующего действию главного сказуемого, не свойственно этой форме. Поэтому можно думать, что и в последнем примере форма на *-а* выражает действие, одновременное с действием главного сказуемого. Тогда более точный перевод будет следующим: 'Я пробил снег, приказывая при этом сесть на коней'. (Следует указать, что в древнеуйгурском языке деепричастие на *-а* означает действие, одновременное с действием главного сказуемого.) [137] Деепричастие на *-у* передает в памятниках действие, протекающее параллельно действию, выраженному главным сказуемым,[138] и, реже, цель.[139] (В древнеуйгурском доминирующим значением деепричастия на *-у* становится значение цели.[140] Примеры: *Қäjік jijү табысған jijү олурур äртіміз* (Т 8) 'Мы жили [там], питаясь оленями и питаясь зайцами', *Jобалу інтіміз* (Т 26) 'С большим трудом (букв. 'мучаясь') мы спустились', *Болчуқа таŋ üнтүрү тägдіміз* (Т 35) 'На рассвете (букв. 'когда занималась заря') мы достигли Болчу', *Күl тігін äбіг башлаjу қытымыз* (Кб 48) 'Чтобы Кюль-Тегин управлял домом, мы отпустили [его]'. Деепричастие на *-у* входит в составные глаголы.

Деепричастие на *-ы/-і* используется только в составных глаголах.

В. Радлов рассматривает деепричастия на *-а/-ы/-у* как фонетические варианты одной формы. Он указывает, что афф. *-а* присоединялся главным образом к основам на *т*, *к*, *ч*, *с*, афф. *-у* к основам на сонанты. Если деепричастие на *-у* сливается в единое целое со следующим за ним глаголом (т. е. в составных глаголах), то *-у* может переходить в *-ы*.[141] Н. Ф. Катанов также считает формы на *-а*, *-у*, *-ы* вариантами одного деепричастия.[142] По мнению П. М. Мелиоранского, формы на *-а* и *-ы* «близки к форме на *-у*, но не равнозначащи».[143]

Генетическая общность деепричастий на *-а*, *-ы*, *-у* не подлежит сомнению. Возникновение фонетических вариантов обусловлено известной неопределенностью, диффузностью последнего

---

[137] Щербак, стр. 157.
[138] Радлов, стр. 124.
[139] Мелиоранский, стр. 132.
[140] Щербак, стр. 158.
[141] Радлов, стр. 94.
[142] Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903, стр. 99.
[143] Мелиоранский, стр. 132.

гласного слова, особенно в аффиксах, характерной для древних тюркских языков. Впоследствии произошла некоторая семантическая дифференциация трех фонетических вариантов. Об этом говорит специфика их использования как в памятниках, так и в древнеуйгурском языке.[144] Однако их основное значение — передача действия, одновременного с другим действием, — остается общим. Деепричастие на *-a, -ы, -у* используется во всех тюркских языках. Обычно употребляется вариант с широким гласным. Только в тувинском языке узкий гласный аффикса восстанавливается в виде *-ы/-і/-у/-ӳ* при выпадении предшествующего гласного основы.[145]

Существует ряд гипотез о происхождении этого деепричастия[146] (для краткости в дальнейшем будем называть его деепричастием на *-a*). Наиболее убедительной представляется гипотеза о происхождении деепричастия на *-a* от причастия желательной формы будущего времени на *-ғaj*.[147] В свою очередь семантическая близость формы настоящего-будущего времени на *-р* и формы на *-ғaj*[148] позволяет сделать вывод об их генетической общности. Явление перехода *р* в *j* встречается в тюркских языках, например в некоторых уйгурских диалектах Синьцзяна — яркендском и аксуйском.[149]

Деепричастие на -jын выражает действие, совершающееся одновременно с действием главного сказуемого предложения. Используется редко. Примеры: *Түрк будун қанын болмajын табғачда адырылты* (Т 2) 'Тюркский народ, не будучи со своим ханом, отделился от табгачей', *Біз аз біз тijін қорқмыс* (О 7) 'Он боялся, говоря: «Нас мало»'.

Изолированные формы на *-jын* встречаются изредка в современных тюркских языках: узб. *са-йин* 'по',[150] турец. *gecele-yin* 'ночью'.[151] Редкое использование деепричастия на *-jын* в памятниках показывает, что уже в тот период оно ощущалось как архаичная форма. По Г. И. Рамстедту, деепричастие на *-jын* восходит к деепричастию на *-a/-y* в сочетании с аффиксом инструментального п.[152]

Деепричастие на -ғалы выражает обстоятельство цели: *Кісі оғлы қоп өлғäli төрӳміс* (Кб 50) 'Сыны человеческие все рождены, чтобы умереть', *Санағалы тӳсӳртіміз* (Т 27) 'Чтобы пересчитать [свое войско], мы приказали остановиться', *Уқғалы кälti* (М 28) 'Они пришли, чтобы подчиниться'.

---

144 Щербак, стр. 157—159.
145 Енисейка, стр. 143.
146 Кононов. Грамматика узбекского языка, стр. 240.
147 Баскаков. Каракалпакский язык, стр. 464—465.
148 Там же, стр. 465.
149 Э. Р. Тенишев. Об уйгурских диалектах Синьцзяна, стр. 137—138.
150 Кононов. Грамматика узбекского языка, стр. 306.
151 Рясянен, стр. 187—188.
152 Там же, стр. 187.

По Г. И. Рамстедту, афф. *-ғалы<-ғај* (аффикс будущего желательного времени) +*-лы* (выражает обладание).[153] По другой гипотезе *-ғалы<-ған* (аффикс причастия) +*-лы*.[154] Учитывая семантическую связь между значением желательности и значением цели, следует признать более вероятной первую гипотезу.

Деепричастие на -қунча в памятниках встречается один раз. Выражает предел во времени — 'до тех пор пока...':[155] *буз-қунча* 'пока он не победил [их]' (Оа 1).

Афф. *-қунча<-ған+-ча<-чаг* 'время'.[156]

Деепричастие на -ча в памятниках встречается только два раза. Означает действие, предшествующее действию, выраженному главным сказуемым предложения.[157] По своему значению деепричастие на *-ча* соответствует деепричастию на *-ғач* в других тюркских языках[158] (узб. *ёз-ғач* 'когда написал'). Примеры: *Улуғ оғлым ағрып јоқ болча Қуғ сәңүніг балбал тікә біртім* (Мха 9) 'Когда мой старший сын заболел и умер, я поставил ему балбалом [изображение] Куг-сенгуна', *Тәрчә* (Мхс) 'Когда он собрал...'

Можно предположить, что *-ча<-ған-ча*, так как деепричастие на *-ча* в других тюркских языках не встречается.

Форма на äрікli. *Äрікli* представляет собой причастие от глагола *äр-* 'быть'.[159] В памятниках *äрікli* сочетается с причастием на *-р* и образует форму, выступающую в функции развернутого обстоятельства времени, передающего действие, в течение которого совершается другое действие: 'в то время когда...': *Анча олурур äрікli оғуздантан көрүг кälti* (Т 8) 'Когда [мы] жили так, от огузов пришел лазутчик'.

Форма на -сар образуется с помощью афф. *-сар/-сäр*. Выражает: условие (реальное и нереальное) с оттенком возможности, желательности; уступительные отношения; обобщающие определительно-объяснительные отношения; временные отношения.

1) Форма на *-сар* может передавать как реальное, так и нереальное условие. Реальность или нереальность передается личной формой глагола. В первом случае спрягаемая форма

---

153 Рамстедт, стр. 88.

154 Баскаков. Каракалпакский язык, стр. 471; Кононов. Грамматика узбекского языка, стр. 243; Рясянен, стр. 188.

155 Габен, стр. 125.

156 Кононов. Грамматика узбекского языка, стр. 244; Рамстедт, стр. 134—138.

157 Габен, стр. 116.

158 Радлов, стр. 94.

159 Щербак, стр. 139—140; Рясянен, стр. 123.

глагола может быть в будущем времени на *-тачы*, настоящем-будущем времени и желательном наклонении.

Если форма на *-сар* выражает нереальное условие, используется будущее-прошедшее время: *Усар іді јоққысалым* (Т 11) 'Если сможем, уничтожим властителя', *Күл тігін јоқ ärсär қоп öлтächi ärтігіз* (Кб 50) 'Если бы не было Кюль-Тегина, вы все погибли бы'.

Для уточнения временной характеристики действия, передаваемого формой на *-сар,* используются формы условной модальности. Реальное условие выражается формой настоящего-будущего времени+*ärсär,* нереальное условие выражается сочетанием прошедшего категорического времени и *ärсär*. Примеры: *Kälip ärсär кү är үкүлүр. Kälмäз ärсär тылығ сабығ алы* олур (Т 32) 'Если [кто] придет, число храбрых воинов увеличится, если [никто] не придет, собирай различные вести', *Ilтäріс қаған қазғанмасар, јоқ ärті ärсär, бän өзім білгä Тоњуқуқ қазғанмасар, бän јоқ ärтім ärсär, Қапаған қаған түрк сір будун jірінтä бод jämä, будун jämä, кісі jämä, іді јоқ ärтächi ärті* (Т 59—60) 'Если бы Ильтерис-каган не совершал завоеваний, если бы его не было, если бы я сам, мудрый Тоньюкук, не совершал завоеваний, если бы меня не было, то в земле Капаган-кагана и тюрков-сиров не было бы ни порядка, ни народа, ни людей, ни правителя'.

2) Форма на *-сар* выражает уступительные отношения: *Бір кісі јаŋылсар оғушы будуны бісүкіŋä тägі қыдмаз ärміш* (Км 6) 'Хотя один человек и мог ошибаться, но все соплеменники, весь народ вплоть до своих потомков не позволяли, надо думать, себя погубить'.

3) Форма на *-сар* выражает обобщающие определительно-объяснительные отношения. В этом случае форма на *-сар* употребляется со словом *näŋ* 'что-либо', 'вещь': *Näŋнäŋ сабым ärсär бäŋгү ташқа уртым* (Км 11) 'Все слова, какие у меня были (букв 'все мои слова, какие были'), я выбил на вечном камне'.

4) Форма на *-сар* выражает временные отношения: *Көздä јаш кälсär, äті да көŋүлтä сығыт кälсär јантуру сақынтым, қатығды сақынтым* (Кб 51) 'В то время как из глаз [моих] лились слезы и сильные вопли исходили из [глубины] сердца, я снова и снова скорбел, я сильно скорбел'.

Афф. *-сар*<*-ығ* (аффикс отглагольного имени)+*-са* (образует видовую форму глагола — форму желания)+*-р* (аффикс настоящего-будущего времени).[160]

В современных тюркских языках *-сар*>*-са*, кроме якутского языка, где аффикс сохраняет конечное *р* (*-тар* соответствует *-сар*).

---

[160] Баскаков. Каракалпакский язык, стр. 452—455.

В памятниках форма на *-сар* не принимает показателей лица и не может быть определением. Это неизменяемая глагольная форма, выступающая в функции обстоятельства. Таким образом, в памятниках форма на *-сар* утратила причастно-именные признаки и перешла в разряд деепричастий.[161]

Рассматривать форму на *-сар* как причастие[162] или условное наклонение[163] нет никаких оснований.

Парные глаголы

Парные глаголы состоят из двух глаголов-синонимов, первый из которых представляет собой деепричастие на *-у: оплаjу тägді* 'он бросился в бой' (Кб 45), *іртӱрӱ ытымыз* 'мы отослали' (Кб 40), *опулу кіріп* 'войдя вглубь [войска]' (К-Ч 23).

Составные глаголы

Составные глаголы выражают характер протекания действия.[164] Они состоят из двух элементов. Первый элемент — деепричастия на *-а, -ы, -у* (реже *-п*) — выражает основное лексическое значение. Второй элемент — глагол — модифицирует лексическое значение первого, осложняя его оттенками длительности, многократности, динамичности, направленности, возможности или невозможности, целеустремленности. В качестве модифицирующих глаголов в памятниках используются глаголы: *бар-* 'уходить' *jоры-* 'ходить', *ыд-* 'посылать', *олур-* 'сидеть', *бäр-* 'давать', *ал-* 'брать', *кӧр-* 'видеть', *у-* 'мочь'.

Бар- 'уходить' выражает действие, совершаемое с удалением от говорящего: *тäзіп барды* 'бежал' (Кб 34), *адырылу бардыңыз* 'вы отделились' (Оа 4), *уча барды* 'улетел' (Мха 10).

Jоры- 'ходить' выражает длительное действие, совершаемое во время передвижения: *туру ӧлӱ jорыjур ärтіг* (Кб 9) 'ты бродил ни жив ни мертв' (букв. 'живя и умирая').

Ыд- 'посылать' выражает законченность действия[165] (ср. хак. *ыс-* 'послать': *пазабысты* 'он написал'[166]): *jітӱрӱ ыдмыс* 'погибил' (Кб 6), *ычғыны ыдмыс* 'изгнал' (О 2).

Олур- 'сидеть' выражает длительность, постоянство совершения действия: *ігідӱ олурур* 'постоянно возвышает' (Т 62).

Бäр- 'давать' выражает действие, совершаемое не в интересах субъекта действия, выраженного составным глаголом, а для какого-либо другого лица: *Қағаным, бäн өзім білгä Тоңу-*

---

161 Мелиоранский, стр. 84.
162 Радлов, стр. 96, 112, 113.
163 Габен, стр. 132.
164 Кононов. Грамматика узбекского языка, стр. 263—268.
165 Радлов, стр. 126.
166 Н. П. Дыренкова. Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948, стр. 109.

қуқ өтүнтүк өтүнчімін әсідү бәрті (Т 15) 'Мой каган выслушал просьбу, с которой обратился я сам, мудрый Тоньюкук', *Алп әрін өлүріп балбал қылу біртім* (Мха 7) 'Их храбрых воинов убив, я сделал [их изображения ему] балбалами'.

Көр- 'увидеть' выражает попытку совершить действие: *Jälү көр* (Т 26) 'Попытайся быстро отправиться'.

У- 'мочь' выражает возможность (глагол *у-* в положительном аспекте) или невозможность (глагол *у-* в отрицательном аспекте) совершить действие: *артаты удачы әрті* 'мог бы погубить' (Кб 22), *Ітінү јаратуну умадуқ* (Кб 10) 'не мог [что-либо] сделать для себя, создать для себя'.

Словообразование глагола

Все глагольные основы можно разделить на три группы: неразложимые, например *ал-* 'брать', отыменные, например *қышла-* 'зимовать', отглагольные (залоги).

Отглагольные основы рассматривались в разделе «Залог». Ниже будут рассматриваться аффиксы, образующие глагольные основы от имен.

-ла/-lä. Диапазон значений глаголов, образуемых этим аффиксом, очень широк. В памятниках этот аффикс образует глаголы со следующими значениями: 1) действовать с помощью предмета, обозначенного исходной основой: *қылыч* 'меч' — *қылыч-ла-* 'зарубить мечом' (Кб 45); 2) приобретать признаки, качества, свойства, присущие исходной основе: *қаған* 'каган' — *қаған-ла-* 'быть каганом' (Т 6); 3) совершать акт, процесс, связанный со значением исходной основы: *сү-lä-* 'идти в поход' (О 7), *аң* 'ум' — *аң-ла-* 'понять' (Т 34); 4) иметь целью то, что обозначено исходной основой: *аб* 'охота' — *аб-ла-* 'охотиться' (К-Ч 9); 5) проводить время, обозначаемое исходной основой: *қыш* 'зима' — *қыш-ла-* 'зимовать' (М 31).

С помощью афф. *-ла* образуются глагольные основы от звукоподражательных слов: *оп* (слово, которым погоняют лошадей[167]) — *оп-ла-* 'бросаться галопом в атаку' (Кб 36).

Аффикс *-ла* — высокопродуктивный аффикс. Он широко используется во всех современных тюркских языках и встречается на всем протяжении известной истории тюркских языков.

-а/-ä. Образует глаголы со значением: 1) превратить в предмет, объект, орудие действия то, что выражено исходной основой: *сан* 'счет' — *сан-а-* 'считать' (Т 27), *јарлық* 'приказ' — *јарлық-а-* 'приказать' (М 33); 2) процесса действия, выведенного из значения исходной основы: *јаш* 'возраст' — *јаш-а-* 'жить', 'быть в возрасте' (Кб 42). Судя по ограниченному употреблению аффикса *-а* в памятниках, он уже в тот период стал непродуктивным.

-ад/-әд/-д. Образует непереходные глаголы со значением при-

---

167 Радлов, стр. 88.

обретать качество, свойство, присущее исходной основе: *joқ* 'нет' — *joқ-ад-* 'гибнуть' (Кб 10), *қул* 'раб' — *қул-ад-* 'стать рабом' (Кб 13), *күŋ* 'рабыня' — *күŋ-äд-* 'стать рабыней' (Кб 13).

В современных тюркских языках *-ад/-äд* > *-aj/-äj*.[168]

-сыра/-сірä. Образует глаголы со значением потери того, что выражено исходной основой: *il* 'иль' — *il-сірä-* 'лишиться иля' (Кб 13), *қаған* 'каган' — *қаған-сыра-* 'лишиться кагана' (Кб 13), *уруғ* 'потомство' — *уруғ-сыра-* 'лишиться потомства' (Кб 10).

-ық/-қ/-ік/-к. Образует глаголы, выражающие движение в направлении, указанном исходной основой. Исходная основа — существительное, обозначающее место. Примеры: *таг* 'гора' — *таг-ық-* 'подниматься в горы' (Кб 12), *таш* 'внешняя сторона' — *таш-ық-* 'выходить' (Т 30).

В современных тюркских языках этот аффикс образует непереходные глаголы.

НАРЕЧИЕ

В языке памятников единственным аффиксом, образующим наречия, является афф. *-ды/-ты/-ді/-ті*. Этот аффикс образует наречия от именных и, реже, от глагольных основ: *ädгü-ті* 'хорошо' (Т 32), *қатығ-ды* 'крепко' (Км 2), *јарақлығ-ды* 'при оружии' (Кб 32), *тüкä-ті* 'полностью' (М 1).

Значительную группу наречий в памятниках составляют изолированные формы инструментального п.: *јадағ-ын* 'пешком' (Кб 32), *јолсыз-ын* 'без дороги' (Т 35); дательно-направительного п.: *јоқару* 'вверх' (Т 25), *јögärü* 'вверх' (М 2), ср. *јög-түр-* 'возвышать' (К-Ч 2); местно-исходного п.: *ан-та* 'там' (О 5); исходного п.: *қан-тан* 'откуда' (Кб 23), *қан* < *қај* — древнее вопросительное слово.[169]

Ряд существительных с аффиксом *-ра/-рä* в памятниках перешел в разряд наречий или находится в процессе перехода в наречия: *таш-ра* 'снаружи' (Кб 11), *öŋ-рä* 'на востоке' (Кб 4).

Наречия, образованные от глаголов, большей частью представляют собой изолированные деепричастия на *-у*, *-а*: *јан-а* 'снова' (Т 2), *јантур-у* 'снова' (Кб 51), *ула-ју* 'вслед за' (Км 1), *башла-ју* 'вначале' (Кб 16).

В предложении наречия выступают в функции обстоятельств места, времени, образа действия: *Ташра јорыјур* (Кб 11) 'Он бродит снаружи', *Аз будун анта јоқ болты* (Кб 43) 'Азский народ тогда погиб', *Ädгüті äсід* (Км 2) 'Хорошенько выслушай'.

---

[168] Рамстедт, стр. 175.
[169] Там же, стр. 76, 233.

ПОСЛЕЛОГИ

В памятниках встречаются только послелоги-частицы.

Послелоги-частицы представляют собой служебные слова, сочетающиеся с существительными, местоимениями и субстантивированными частями речи и указывающие на их синтаксическое отношение к другим словам. Послелоги-частицы уже утратили в большинстве случаев свое лексическое значение. Они функционально сближаются с аффиксами падежей и иногда дублируют их. Например, совместность в языке памятников может выражаться как инструментальным п., так и послелогом *біплä*: *äкі шад біплä* 'с двумя шадами' (Кб 27); *Улуғ Іркін азқыңа ä р і н тäзіп барды* (Кб 34) 'Великий Эркин бежал с немногими воинами'.

Біплä. Обозначает сопровождение, совместность, соучастие, управляет основным и винительным падежами:[170] *қағаның біплä* 'с их каганом' (М 27), *тоқуз татар біплä* 'с токуз-татарами' (М 34), *ізгіл будун біплä* 'с народом изгилей' (Кб 43), *қырқыз біплä* 'с киргизами' (М 26).

Послелоги, восходящие к *біплä*, широко используются в современных тюркских языках.

Ӱчӱн. Выражает причину, управляет основным и винительным падежами:[171] *алпын ärдämін ӱчӱн* 'по своему геройству и доблести' (К-Ч 12), *аны ӱчӱн* 'поэтому' (М 28), *қазғантуқым ӱчӱн* 'так как я совершал завоевания' (Т 55).

Послелог *ӱчӱн* в различных фонетических вариантах используется во всех тюркских языках.

Ӱзä. Обозначает направленность действия на предмет (преимущественно на поверхность предмета). В памятниках пространственные отношения, выражаемые послелогом *ӱзä*, часто приобретают отвлеченные значения. Управляет основным и местно-исходным падежами. Примеры: *ат ӱзä бінтӱрä* 'приказав сесть на коней' (Т 25), *тоқуз оғуз будун ӱзä* 'над народом токуз-огузов' (Т 9), *Алтын іыс ӱзä қабысалым* 'пойдем в поход на Алтунскую чернь' (Т 20), *будунта ӱзä* 'над народом' (Кб 26), *кісі оғлынта ӱзä* 'над людьми' (Кб 1).

В памятниках *ӱзä* используется и как наречие: *ӱзä тäŋрі täр ärміс* (О 3) 'небо наверху, надо думать, говорило'.

Тäг — изолированное деепричастие от глагола *täg-* 'доходить'. Выражает предел в пространстве, управляет дательным п.: *Тämір қапығқа тägі* 'до Темир-капыга' (Кб 17), *Käŋӱ тарманқа тägі* 'до Отрара' (Кб 21).

Тапа — изолированное деепричастие от глагола *тап-* 'находить'. Управляет основным п. слова, обозначающего лицо, про-

---

[170] Об этимологии послелога *біплä* см.: К о н о н о в. Грамматика узбекского языка, стр. 297—298.

[171] Об этимологии послелога *ӱчӱн* см. там же, стр. 302—303.

тив которого направлено действие: *таŋут будун тапа* 'против тангутов' (М 24), *оғуз будун тапа* 'против огузского народа', *табғач тапа* 'против табгачей' (Кб 28).

Сају — изолированное деепричастие от глагола *са-* 'считать'. Означает, что действие происходит на всем протяжении предмета, управляет основным и винительным падежами: *јір сају бардығ* (Км 9) 'ты ходил по различным землям', *ол оқ түн будуның сају ытымыз* (Т 42) 'в ту же ночь мы отправили [послов] ко всему их народу'.

Қоды — изолированное деепричастие от *қод-* 'класть', 'ставить'. Означает 'вниз по' (ср. тув. *куду*), управляет основным п.: *ол суб қоды* 'вниз по той реке' (Т 27), *Сäläŋä қоды* 'вниз по Селенге' (М 37).

Өтрү — изолированное деепричастие от глагола *өтүр-* 'проводить'. Выражает следование одного факта после другого, управляет местно-исходным п.: *анта өтрү* 'после этого' (Т 12).

Täг<тенг 'равный', 'одинаковый'.[172] Выражает подобие, сходство по качеству, управляет основным и винительным падежами: *бөрі täг* 'подобно волку' (Кб 12), *қоң täг* 'подобно овцам' (Кб 12), *täŋрі täг* 'подобно небу' (М 1), *ачісін täг* 'подобно своим старшим братьям' (Кб 5).

Кісрä~кäсрä<кіс 'задняя часть' (ср. турец. *kıç*, *ч* и *с* чередуются в тюркских языках) + афф *-рä*. Выражает следование одного факта после другого, управляет местно-исходным п.: *анта кісрä* 'после этого' (Кб 34), *ол қан јоқ болтуқда кäсрä* 'когда того хана не стало...' (О 1).

Ара. Обозначает, что действие происходит между двумя или более предметами, управляет основным п.:[173] *äкін ара* 'между обоими' (Кб 1, М 42), *бäг оғуз ара* 'среди бегов-огузов' (О 5).

Ара используется и как наречие: *тардус сад ара бады* 'тардушский шад принял участие в сражении' (Т 41).

Послелог-аффикс *-ча/-чä<чағ* 'мера'.[174] Выражает сравнение, уподобление: *суб-ча* 'как река', *тағ-ча* 'как гора' (Кб 24), *өрт-чä* 'подобно пожару' (Т 40), *от-ча бор-ча* 'подобно огню и вину' (М 27).

МОДАЛЬНОЕ СЛОВО *ÄРІНЧ*

Выражает предположение. Особенно часто используется в том случае, если речь идет о вмешательстве божеств, при объяснении важных или неожиданных событий. При этом *äрінч* часто употребляется после форм прошедшего категорического времени, если рассказывается о событии, свидетелем которого

---

[172] Кононов. Грамматика узбекского языка, стр. 285.
[173] Об этимологии послелога *ара* см. там же, стр. 318.
[174] Котвич, стр. 191.

говорящий был и в котором проявилось вмешательство божества:[175] *Täŋri, Умаj, Ылдуқ jär суб баса бärті ärінч* (Т 38) 'Небо, [богиня] Умай, священная родина — вот они, надо думать, и даровали [нам] победу', *Өзімін ол täŋрі қаған олуртды ärінч* (Кб 25—26) 'Надо думать, что именно небо и посадило меня каганом'.

СОЮЗЫ И СОЮЗНЫЕ СЛОВА

В памятниках используются только сочинительные союзы *азу* 'или': *Азу бу сабымда ігід барғу?* (Км 10) 'Или, может быть, в моей речи есть неправда?'; *jämä* 'и', 'также': *Бägläрі jämä будуны jämä түз ärміс* (Кб 23) 'Их беги и их народ были верны'; *та* 'и', 'также': *Оғлы та қаған болмыс ärінч* (Кб 5) 'И сыновья их также стали каганами'.

В памятниках используются союзные слова *аны үчүн* 'поэтому' и *тіjін/тіп* (деепричастия от глагола *ті-* 'сказать'). Примеры см. в разделе, где рассматриваются сложноподчиненные предложения (стр. 59, 60).

ЧАСТИЦЫ

Му — вопросительная частица: *Бар му нä?* 'Может ли это быть?' (Т 14).

Ғу/гӱ — вопросительная частица, употребляемая в том случае, если на вопрос ожидается отрицательный ответ:[176] *Бöдкä көрігмä бägläр гӱ jaŋылтачысіз* (Км 11) 'Разве вы, беги, подчиняющиеся престолу, сможете ошибиться?', *бар ғу* (Км 11) 'разве есть?'

Оқ/ök и *күк* 'же' 'также', 'и' — усилительные частицы: *Ісіг күчіг бärтім ök, бän өзім узун jälмäг jämä ыттым оқ* (Т 52) 'Я отдавал народу свой труд и силу, я же сам направлял и дальние военные набеги', *Қач нäŋ ärсär өлүртächі күк* (Т 21) 'Как бы то ни было он нас уничтожит'.

---

[175] Томсен, стр. 43.
[176] Там же, стр. 46.

СЛОВОСОЧЕТАНИЕ

В языке памятников можно выделить три типа связи составных частей словосочетания: примыкание, управление, согласование.

Зависимость между компонентами словосочетания в случае примыкания выражена не морфологически, а только порядком слов: определение — определяемое. Примыкание используется в памятниках шире, чем в современных тюркских языках.

Примыкающими членами предложения могут быть: приименное и приглагольное определения и прямое дополнение.

Примыкающее приименное определение выражается прилагательным, количественным и порядковым числительным, местоимением, существительным (изафет I), причастием: *ädgü bilgä kisi* 'хорошие, мудрые люди' (Км 5), *törт bulu̧* 'четыре угла' (Кб 2), *äkinti kün* 'второй день' (Т 39), *ol sü* 'то войско' (М 25), *qaγan at* 'титул кагана' (Кб 20), *Täŋridä bolmyš türk bilgä qaγan* 'рожденный на небе мудрый тюркский каган' (Км 1).

Примыкающее приглагольное определение выражается прилагательным, числительным, наречием: *Talyjqa kičig täginädim* 'Я немного не дошел до моря' (Км 3), *Jäti sü̧üsdi* 'Он сразился семь раз' (Т 49), *Äkinti Qušlaγaqda sü̧ü̧šdimiz* 'Второй раз мы сразились при Кушлагаке' (Кб 45), *ädgüti äsid* 'хорошенько выслушай' (Км 2).

Примыкающее прямое дополнение выражается формой основного падежа. См. раздел, где рассматривается дополнение, стр. 56.

При управлении один из компонентов словосочетания получает определенное морфологическое оформление, обусловленное синтаксически. В памятниках этот тип связи осуществляется следующим образом: 1) Зависимое слово без оформления стоит перед тем словом, от которого зависит, последнее оформляется аффиксом принадлежности 3 л. (изафет II): *qa̧ym qa-*

ған сӱсі 'войско моего отца — кагана' (Кб 12). 2) Зависимое слово морфологически оформляется в соответствии с семантикой управляющего слова. Все падежи (кроме основного) относятся к числу управляемых форм. К управляющим словам относятся глаголы и послелоги.

При согласовании синтаксические отношения выражаются с помощью морфологического оформления обоих компонентов словосочетания. В памятниках согласование используется в изафете III: определение в форме родительного п., определяемое принимает аффикс принадлежности 3 л: *Чурыӈ оғлы* 'сын Чура' (К-Ч 26).

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Виды предложений

По цели высказывания в языке памятников можно выделить предложения повествовательные, вопросительные и модальные (побудительные и желательные).

Повествовательное предложение: *Талуйқа кічіг тägмädім* (Км 3) 'Я немного не дошел до моря'. Вопросительное предложение: *Қаған му қысайын* (Т 5) 'Не пожелать ли мне [его] каганом?' Модальное предложение: *Қарағу ädгӱті уғыл* (Т 34) 'Хорошенько держи караул'.

В зависимости от способа выражения субъекта и предиката простые предложения делятся на двусоставные и односоставные. Двусоставное предложение: *Біз қорқмадымыз* (Т 40—41) 'Мы не испугались' Односоставное предложение: *Тägдіміз* (Т 39) 'Мы напали'.

В структурном отношении предложения можно подразделить на простые и сложные (сложносочиненные и сложноподчиненные).

Простое предложение и его члены

Подлежащее выражается формой основного п.: *Бän анча тірмän* 'Я так говорю' (Т 37).

Сказуемое в языке памятников выражается: 1) повелительным наклонением, желательным наклонением и прошедшим категорическим временем (простое глагольное сказуемое); 2) причастием в сочетании с личными местоимениями или причастием в сочетании с глаголом *ăр-* 'быть' (составное глагольное сказуемое); 3) именем в сочетании с личными местоимениями, глаголами *ăр-* 'быть' или *бол-* 'стать' (именное сказуемое); 4) словами *бар* 'есть', 'имеется' и *joқ* 'нет', 'не имеется': *Табғач сӱсі бар ärміс* (Т 30) 'Среди них есть, говорят, войско табгачей', *Ілтä буӈ joқ* (Км 3) 'У иля забот нет'.

В структурном отношении второй и третий типы сказуемого не различаются, что объясняется аналитическим характером спряжения глагола в памятниках. Например: *біз тäзäр біз* 'мы бежим' (Т 35) — *біз аз біз* 'нас мало' (О 7), *баjур äртіміз* 'мы привязывали' (Т 27) — *біз äкі быŋ äртіміз* 'нас было две тысячи' (Т 16).

Простое (именное) **определение** может быть атрибутивным (имеет форму основного п.) или обстоятельственным (существительное с послелогом).

Атрибутивное определение выражается прилагательным, существительным (изафет), местоимением, числительным.

В языке памятников особый интерес представляет изафет. Можно выделить четыре типа изафета.

Изафет I:

1) Определение — титул, определяемое — имя собственное. Определение стоит в постпозиции. (Во всех остальных случаях определение в изафете предшествует определяемому.) Примеры: *Бökli қаған* 'Бёкли-каган' (Кб 8), *Куны сäŋün* 'Куны-Сенгун' (Т 9), *Мақрач тамғачы* 'хранитель печати Макрач' (Кб 53), *Оғуз білгä тамғачы* 'хранитель печати Огуз-бильге' (Кб 53).

2) Определение — степень родства, определяемое — титул, название степени родства снабжено аффиксом принадлежности: *қаŋым қаған* 'мой отец-каган' (Кб 11), *қаŋым сад* 'мой отец-шад' (О 8), *сіŋlім қунчуj* 'моя младшая сестра-княжна' (Кб 20), *öгім қатун* 'моя мать-хатун' [1] (Кб 26), *äчім қаған* 'мой дядя-каган' (Кб 7).

3) Определение — степень родства, определяемое — имя собственное, название степени родства снабжено аффиксом принадлежности: *інім Кül тігін* 'мой младший брат Кюль-Тегин' (Кб 50), *äчüміз апамыз Бумын қаған* 'наш предок Бумын-каган' (О 1), *öгім Ilбілгä қатун* 'моя мать Ильбильге-хатун' (Кб 11), *атысы Jоллығ тігін* 'его внук Йоллыг-тегин' (Км 13).

4) Определение — существительное, обозначающее племенную принадлежность: *түрк будун* 'тюркский народ' (Т 1), *татабы будун* 'народ татабийцев' (М 39), *тардуш бäгläр* 'тардушские беги' (Мха 13), *табғач оŋ тутуқ* 'табгачский онг-тутук' (М 25) (онг-тутук — звание), *уjғурältäбäр* 'уйгурский эльтебер' (М 37) (эльтебер — титул), *табғач қаған* 'табгачский каган' (Кб 53), *түргіс қаған* 'тюргешский каган' (Кб 53).

5) Определение — название года по так называемому животному циклу, определяемое — слово *jыл* 'год': *қоŋ jыл* 'год Овцы' (Кб 53), *lüj jыл* 'год Дракона' (Оа 4), *ыт jыл* 'год Собаки' (Мха 10), *лағзын jыл* 'год Свиньи' (Мха 10).

6) Определение — имя собственное, определяемое — географическое понятие: *Аны суб* 'река Аны' (Т 27), *Алтун jыс* 'Ал-

[1] Хатун — жена хана.

тунская чернь' (Т 31), *Шантуŋ јазы* 'Шаньдунская равнина' (Км 3), *Түргі јарғун көl* 'озеро Тюрги Яргун' (Кб 34), *Ӓртіс үгүз* 'река Иртыш' (Т 35).

7) Определение выражает качественную характеристику определяемого: *тӓŋрі білгӓ қаған* 'божественный Бильге-каган' (букв. 'небо-Бильге-каган') (Оа 3), *алп ӓр* 'храбрые воины' (букв. 'герои-воины') (Кб 40).

8) Определение — общеродовое понятие: *қаған ат* 'титул кагана' (Кб 20), *ӓр ат* 'геройское имя' (Кб 31).

Изафет II:

1) Изафет II выражает в языке памятников прежде всего принадлежность предмета предмету (в большинстве тюркских языков в этом случае используется изафет III). Определение может быть выражено именем существительным собственным; именем существительным, логически определенным (поясненным контекстом, обстановкой речи); именем существительным с аффиксом принадлежности; именем существительным, имеющим при себе определение, выраженное прилагательным или существительным: *Тоŋа тігін јоғынта* 'на похоронах Тонга-Тегина' (Кб 47), *Оғуздантан көрүг kälti. Көрүг сабы антағ* 'От огузов пришел лазутчик. Слово лазутчика таково' (Т 8—9), *қаŋым қаған сӱсі* 'войско моего отца-кагана' (Кб 12), *түргіс қаған сӱсі* 'войско тюргешского кагана' (Кб 37), *табғачғы бӓгläр табғач атын тутыпан* 'приняв табгачские имена табгачских беков' (Кб 7).

2) Изафет II выражает отношение единичного предмета (определяемое) к обобщенному (определение): *кісі оғлы* 'люди' (букв. 'сыны человеческие') (Кб 50).

3) Определение — существительное, обозначающее племенную принадлежность (чаще используется изафет I): *түргіс қаганы* 'тюргешский каган' (Т 30), *қырқыз будуны* 'киргизский народ' (Т 28), *табғач сӱсі* 'табгачское войско' (Т 30), *түрк тӓŋрісі* 'тюркское небо' (Кб 10).

4) Определение — имя собственное, определяемое — географическое понятие (обычно в памятниках в этом случае используется изафет I): *Јір Бајырқу јіріŋä тägі* 'до земли Йир-Байырку' (Км 4).

5) Определяемое выражает состояние, определение — предмет, находящийся в этом состоянии: *тӓŋрі јір булғақын үчүн* 'из-за смятения неба и земли' (Кб 44).

6) Определение — числительное количественное, определяемое — слово *јаш* 'возраст': *алты јägірмі јашыŋа* 'когда ему было шестнадцать лет' (Кб 31), *јіті отуз јашыŋа* 'когда ему было двадцать семь лет' (Кб 41).

Изафет III выражает конкретную принадлежность предмета предмету (чаще в памятниках эти отношения передаются изафетом II): *Чурыŋ оғлы* 'сын Чура' (К-Ч 26), *Білгӓ қағаныŋ будуны* 'народ Бильге-кагана' (Оа 3), *ақ адғырығ уд-*

лықын 'бедро белого жеребца' (Кб 36), *түрк будуныҕ аты күсі* 'честь и слава тюркского народа' (Кб 25), *қаҕаныŋын сабын алматын* 'не вняв словам твоего кагана' (Км 8). *Адғырыҕ, будуныҕ, қаҕаныŋын* — фонетические варианты *адғырыŋ, будуныŋ, қаҕаныŋыŋ* (в последнем случае *ŋ*>*н* в результате диссимиляции).

Значение изафета IV то же, что и изафета III — конкретная принадлежность предмета предмету. Различие лишь формальное: отсутствует аффикс принадлежности 3 л. при определяемом. Примеры: *Қаҕаныŋ ічрәкі бәдізчі* (Км 12) 'придворные (букв. 'внутренние') мастера кагана', *Јәгін Сілїг бәгіŋ кәдімлїг торыҕ ат* 'оседланный гнедой конь Йегин Силиг-бега (Кб 33), *Бајырқуныŋ ақ адғыр* 'белый жеребец [племени] Байырку' (Кб 36).

Такие изафетные словосочетания встречаются, например, в турецком языке. Однако аффикс принадлежности при определяемом может отсутствовать только в том случае, если определяемое — имя личное.[2] Значительно шире аналогичные конструкции используются в монгольском языке, где они передают значение принадлежности, соответствуя изафету III в тюркских языках.[3]

Дополнение. Прямое дополнение оформляется основным п., если объект не определен, и винительным п., если объект определен логически или грамматически (см. раздел, где рассматриваются падежи, стр. 11). Косвенное дополнение в памятниках оформляется дательным, местно-исходным и инструментальным падежами (см. стр. 13, 14, 17). Относительное дополнение — второстепенный член предложения, обозначающий косвенный объект, связанный со сказуемым с помощью послелога. В памятниках относительное дополнение выражает отношения совместности, соучастия (послелог *бірлә*): *Ізгіл будун бірлә сүŋүшдіміз* (Кб 43) 'Мы сразились с народом изгиль'.

В памятниках можно выделить **обстоятельства** образа действия, места, времени, причины, меры и степени.

Обстоятельство образа действия выражается прилагательным, наречием, именем в инструментальном п., именем с послелогом *тәг* 'подобно', числительным порядковым; обстоятельство места — именем в дательном, дательно-направительном, местно-исходном падежах, именем в сочетании с послелогом, наречием; обстоятельство времени — наречием, именем в инструментальном, дательном, местно-исходном падежах, именем в сочетании с послелогом, именем в основном п.; обстоятельство причины — именем в сочетании с послелогом *üчүн*; обстоятельство меры и степени — именем числительным количественным

[2] Кононов. Грамматика турецкого языка, стр. 415.

[3] А. Р. Ринчинэ. Учебник монгольского языка. М., 1952, стр. 30—31.

и именем числительным количественным в сочетании со словом *йолы* 'раз' (*йол* 'путь' + аффикс принадлежности 3 л.).

Развернутый член предложения выражен глагольной формой. Эта форма может иметь собственный субъект действия, не зависимый от подлежащего предложения, и второстепенные члены, поясняющие ее. Развернутый член предложения имеет потенциально такую же структуру, как и самостоятельное предложение, с тем отличием, что действие в самостоятельном предложении выражается личной формой глагола, а в развернутом члене предложения — неличной формой глагола, поясняющей один из членов предложения.

Развернутое определение выражается формами на *-р*, *-мыш*, *-тачы*, *-(ы)ғма*, *-дуқ*, *-сық*. Формы на *-р* и *-тачы* в памятниках встречаются только в функции присубъектного определения, форма на *-сық* — в функции приобъектного определения, формы на *-мыш*, *-(ы)ғма*, *-дуқ* используются в функции как присубъектного, так и приобъектного определения. Развернутое дополнение выражается формами на *-дуқ* и *-сық*. Развернутое обстоятельство — формой на *-дуқ* в различных падежах и в сочетании с различными послелогами.

Особенностью оформления **однородных членов предложения** в памятниках является то, что общий морфологический элемент повторяется, как правило, при каждом из перечисляемых членов: *Оғлын йотузын йылқысын, барымын анта алтым* (М 24) 'Их юношей и девиц, их скот и имущество я тогда забрал', *Сӱчіг сабыŋа, йымшақ, ағысыŋа артурып...* (Қм 6) 'Прельстившись его сладкими речами и великолепным богатством...', *Бу қағаныŋда, бу бäгläрігдä йäріŋдä субыŋда адырылмасар...* (Мхb 13—14) 'Если ты не отделишься от своего кагана, от своих бегов и родины...', *Ыда ташда қалмысы құбранып йäті йӱз болты* (Т 4) 'Оставшиеся среди деревьев и камней соединились, и их стало семьсот', *Тӱркімä будунымa йäгін анча қазғану біртім* (Мха 10) 'Для своих тюрок, для моего народа я приобрел столько добра'.

В современных тюркских языках общий морфологический элемент может присоединяться к последнему из однородных членов, как бы выноситься за скобку.[4] Исключением в этом смысле является якутский язык, грамматический строй которого сохраняет много архаических черт.[5]

Однородные члены предложения в языке памятников могут оформляться в словосочетание с помощью афф. *-лы/-li*, повторяющегося при каждом из однородных членов. В такие слово-

[4] Кононов. Грамматика турецкого языка, стр. 430—432; Кононов. Грамматика узбекского языка, стр. 387—388.

[5] Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка. М.—Л., 1950, стр. 230—236.

сочетания обычно объединяются слова, обозначающие понятия, часто сопоставляемые или противопоставляемые в речи. Примеры: *Іnіlі ӓчіlі кіŋшӱртӱкін ӱчӱн, бӓгlі будунлыг joŋшуртуқын ӱчӱн...* (Кб 6) 'Так как он ссорил младших и старших, так как он сеял вражду между бегами и народом...', *Турук буқалы, сӓміз буқалы арқада bilсӓр...* (Т 5) 'Если он вообще (букв. 'сзади') знает, [что у него есть] и тощие быки и жирные быки...', *Joғғару сӱ joрып тӱнlі күнlі jіті ӧдӱшкӓ субсыз кӓчдім* (М XII) 'Идя с войском на похороны день и ночь, в течение семи суток я шел через безводную [пустыню]'.

Подобные словосочетания широко используются в якутском языке, где однородные члены предложения могут оформляться в словосочетание с помощью афф. *-лаах*, соответствующего афф. *-лы/-li*.[6]

В памятниках первый член изафета оформляется родительным п. редко. Поэтому повторение аффиксов падежа при каждом из однородных членов или оформление однородных членов аффиксом *-лы* является средством защиты смысла, позволяющим отличить однородные члены от изафета.

Неполное предложение

В языке памятников прямое дополнение очень часто опускается и восстанавливается только по контексту. Очевидно, в данном случае мы имеем дело не с особенностью грамматического строя языка памятников, а со стилистической особенностью памятников. Составители их стремились передать как можно больше сведений в возможно более краткой форме. Отсюда и стремление опускать все, что не является абсолютно необходимым для понимания смысла: Примеры: *Кӧŋlӱŋчӓ удыз* (Т 15) 'Веди [войско] по своей воле', *Ічікдіŋ. Ічікдӱк ӱчӱн тӓŋрі ӧлӱтміс ӓрінч* (Т 3) 'Ты подчинился. Так как [ты] подчинился, небо, надо думать, [тебя] поразило', *Сантуŋ балыққа талуj ӱгӱзкӓ тӓгӱртім* (Т 19) 'Я довел [войско] до городов Шаньдуна и моря', *Санағалы тӱсӱртіміз* (Т 27) 'Чтобы пересчитать [свое войско], мы приказали остановиться'.

Сложное предложение

Сложносочиненное предложение: *Қазғантуқын ӱчӱн удуғ ӧзім қазғантуқым ӱчӱн il jӓмӓ il болты, будун jӓмӓ будун болты* (Т 55—56) 'Так как он совершал завоевания и я вслед за ним сам совершал завоевания, и иль стал илем, и народ стал народом'.

В языке памятников можно выделить четыре типа **сложноподчиненных предложений.**

---

[6] Там же.

1) Сложноподчиненное предложение, в котором сказуемое главного предложения выражено глаголом *ті-* 'сказать': *Kälmisi алп тіді* (Т 38) 'Говорят: «Пришедший — герой»', *Ол јолын јорысар унч тідім* (Т 24) '«Если ехать той дорогой, то это возможно», — сказал я'.

2) Сложноподчиненное предложение, в котором сказуемое придаточного предложения выражено словами *бар* 'имеется' и *јоқ* 'нет': *Ол амты аңығ јоқ тӱрк қаған Ötӱкän јыш олурсар ілтä буŋ јоқ* (Км 3) 'Когда в Отюкенской черни сидит тюркский каган, лишенный теперешних дурных качеств, у иля забот нет', *Кутым бар ӱчӱн, ӱлӱгім бар ӱчӱн öлтäчі будуныҕ тірігрӱ ігітім* (Кб 29) 'Так как я обладал счастьем, так как я обладал счастливой долей, народ, обреченный на гибель, я поднял к жизни'.

3) Сложноподчиненное предложение с союзной паузой: *Ачсық оқ сän, ачсық тосық ӧмäзсän* (Км 8) 'Если ты голоден, ты не думаешь о голоде и сытости'. Здесь первое предложение выражает условие, при котором совершается действие, обозначаемое сказуемым главного предложения.

Применительно к языку памятников о такого типа предложениях можно говорить, основываясь на материале живых тюркских языков. Например, в узбекском языке: *Қўшнинг тинч — сен тинч* 'Твой сосед спокоен — спокоен [и] ты'. В этом предложении союзная пауза через соответствующую интонацию выражает условие, при котором возможно осуществление действия второго предложения.[7]

4) Сложноподчиненное предложение с союзными словами. В языке памятников подчинительных союзов нет. Подчинение осуществляется с помощью союзных слов *аны ӱчӱн* 'поэтому', *тіјін* 'говоря', *тіп* 'сказав'.

Аны ӱчӱн 'поэтому': *Кісі балықда маŋа уқғалы кälті. Бäсбалық аны ӱчӱн озды* (М 28) 'Люди пришли из города, чтобы подчиниться мне. Поэтому Бешбалык спасся'.

Тіјін/täјін, тіп — деепричастия от глагола *ті-* 'сказать'. В языке памятников *тіјін, тіп* выступают в роли союзного слова, соединяющего два самостоятельных предложения в сложноподчиненное предложение. Соединение двух простых предложений в сложноподчиненное предложение по своим синтаксическим приемам в данном случае соответствует процессу прямой передачи чужой речи, в котором *тіјін* служит для отделения авторской речи от слов передатчика.

После глагольного сказуемого, выраженного формами изъявительного наклонения, *тіјін* и *тіп* передают причинную и изъяснительную связь: *Арқыш ыдмаз täјін сӱлädім* (М 25) 'Я пошел в поход [на них], так как они не посылали каравана с данью', *Äкі шад улаjу інііјігӱнім оғланым бäгläрім будуным көзі қашы*

---

[7] Кононов. Грамматика узбекского языка, стр. 411.

јаблақ болтачы тіп сақынтым (Кб 51) 'Я горевал из-за того, что испортятся глаза и брови обоих шадов, а за ними моих младших родственников, моих потомков, моих бегов, моего народа' (т. е. они окажутся в бедственном положении), *Ташра јорыјур тіјін кӱ әсіді̇п балықдақы тағықмыс* (Кб 12) 'Прослышав, что он ходит за пределами [своего иля], бывшие в городах поднялись в горы', *Көгмән јолы бір әрміс, тумыс тіјін әсіді̇п...* (Т 23) 'Услышав, что дорога на Кёгмен одна и завалена снегом...'

После форм повелительного и желательного наклонений *тіјін* и *тіп* передают целевую связь: *Көгмән јір суб ідісіз қалмазун тіјін аз қырқыз будуныҕ јаратып кältіміз* (Кб 20) 'Чтобы не осталась без хозяина Кёгменская земля, мы пришли, устроив немногочисленный киргизский народ', *Аны аңытајын тіп сӱлädім* (М 41) 'Чтобы наказать их, я выступил с войском'.

Порядок слов в предложении

Порядок слов в предложении в языке памятников, как и во всех тюркских языках, определяется правилом: определение предшествует определяемому. Сказуемое занимает последнее место в предложении (хотя иногда имеет место инверсия, о чем будет сказано ниже). Дополнения располагаются между подлежащим и сказуемым, косвенное дополнение предшествует прямому: *Тӱрк бäгläр тӱрк атын ыты* (Кб 7) 'Тюркские беги отбросили тюркские имена', *Кämкä ілі̇ғ қазғанурмän* (Кб 9) 'Для кого я завоевываю иль?' Обстоятельства образа действия и меры и степени располагаются непосредственно перед сказуемым: *Қарағу äдгӱті̇ ұрғыл* (Т 32) 'Хорошенько держи караул', *Оғузқа бäс сӱŋӱсді̇* (Т 49) 'Он сражался с огузами пять раз'. Обстоятельства места и времени располагаются перед сказуемым, если они характеризуют непосредственно действие. Как правило, перед сказуемым всегда стоит обстоятельство, выраженное словом анта 'там', 'тогда'. Если обстоятельства места и времени характеризуют обстановку речи, то они занимают первое место в предложении: *Јабғуҕ шадыҕ анта бäрміс* (Кб 14) 'Он назначил тогда ябгу и шада', *Қырқызыҕ ұқа басдымыз* (Т 27) 'На киргизов мы напали во время [их] сна, *Бір отуз јашы ŋа Чача сäŋӱнкä сӱŋӱшді̇міз* (Кб 32) 'Когда ему был двадцать один год, мы сразились с Чача-сенгуном', *Јарыс јазыда он тӱмän сӱ täpilті* (Т 36) 'В степи Ярышской собралось сто тысяч войска'.

Таким образом, обычный порядок слов в языке памятников такой же, как и в других тюркских языках. Однако этот порядок слов может меняться, если делается логическое ударение на каком-либо члене предложения: этот член предложения располагается тогда непосредственно перед сказуемым. Логическое ударение на косвенном дополнении: *Көк täjiŋін тӱркі̇мä бу-*

дуныма қазғану біртім (Mxb 11—12) 'Их голубых белок я добыл для моего тюркского народа'. Логическое ударение на подлежащем: *Қаған ат бунта біз біртіміз* (Кб 20) 'Мы дали [ему] тогда титул кагана', *Öд täŋri jасар* (Кб 50) 'Судьбу (букв. 'время') определяет небо'.

Если логическое ударение падает на действие, выражаемое сказуемым, последнее может перемещаться с последнего места в предложении на место другого члена предложения: *Kälÿртім ök тÿрк будуныг Öтÿкän jäркä* (Т 17) 'Я привел тюркский народ в землю Отюкен', *Ол кÿнтä тägті тÿрк будун Тämір қапығқа* (Т 46) 'В те дни тюркский народ достиг Темир-капыга', *Тÿрк білгä қаған iliŋä бітітдім бäн білгä Тоньуқуқ* (Т 58) 'Я, мудрый Тоньюкук, приказал написать [это] для иля тюркского Бильге-кагана'.

Как видно из сказанного выше, порядок слов в языке памятников относительно свободный (кроме обязательной для всех тюркских языков схемы: определение — определяемое). Члены предложения могут менять свое место в предложении, если этого требует смысл высказывания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

О различиях между памятниками

В памятниках Кюль-Тегину и Бильге-хану наблюдается смешение форм с *с* и *ш* в аффиксе прошедшего субъективного времени, во 2 л. прошедшего категорического времени показатель лица — *-г/-г*, личное местоимение 1 л. ед. ч. имеет форму с начальным *м*.

В памятнике Тоньюкуку аффикс прошедшего субъективного времени всегда *-мыс/-міс*, во 2 л. прошедшего категорического времени показатель лица — *-ŋ*, личное местоимение 1 л. ед. ч. имеет форму с начальным *б*.

Можно предположить, что между памятниками существовали различия и в области морфологии. В памятнике Тоньюкуку обращает на себя внимание отсутствие формы родительного п. существительных, использование форм исходного п., отсутствие деепричастий на *-(ы)пан* и *-матын*. Конечно, можно объяснить эти различия тем, что некоторые формы случайно не были зафиксированы в том или ином памятнике. Однако эти различия приобретут особый интерес, если учесть, во-первых, что язык памятника Тоньюкуку имеет и ряд фонетических особенностей и, во-вторых, что эти же особенности фонетики и морфологии есть в уйгурском памятнике Моюн-чуру, основателю Уйгурского каганата в Монголии. Таким образом, в языке памятников можно выделить два диалекта единого древнеогузского языка — собственно тюркский (Кошо-Цайдамские памятники) и уйгурский (памятник Тоньюкуку).

Онгинский памятник и памятник Кули-чуру, видимо, ближе к памятнику Тоньюкуку, но их малый размер не позволяет прийти к каким-либо определенным выводам.

Об отношении языка памятников к другим тюркским языкам

Особенностями грамматического строя языка памятников является употребление аффикса родительного п. (после основ на согласный) и аффикса дательного п. (после аффиксов принадлежности), начинающихся с гласного, и форм на *-мыс/-мыш* и *-дуқ*. Именно эти особенности грамматического строя отличают огузские языки от остальных тюркских языков,[1] для которых характерно использование аффиксов родительного и дательного падежей, начинающихся с согласного, и формы на *-ған* вместо *-дук* ~ *-дық* и *-мыс/-мыш*.

Значительна близость языка памятников и огузских и в области фонетики. В современных огузских языках мы находим ту же систему гласных, что и в языке памятников. Система согласных в целом изменилась относительно мало и близка к тому, что мы встречаем в языке памятников. В. Радлов указывал, что огузские языки сохранили в наиболее чистом виде фонетическую систему языка памятников.[2]

Ряд общих черт с языком памятников мы находим в якутском языке. В области фонетики — последовательное сохранение *т/д* в системе соответствий *р — с/з — т/д — j*, наличие глухих согласных в анлауте некоторых аффиксов после *р, л, l*. Значительно больше общего у языка памятников и якутского в области грамматического строя. Дательный п. в якутском языке передает локативные значения. Аффикс дательного п. после аффикса принадлежности и аффикс сравнительного п. в якутском языке восходят к аффиксу дательно-направительного п. памятников. В якутском языке используется частный п., соответствующий местно-исходному п. памятников. В якутском языке широко используются формы на *-быт* (=*-мыш*) и *-тах* (=*-дуқ*). Форма на *-тах* может выступать в предикативной функции. Условие в якутском языке выражается формой на *-тар*, которая соответствует форме на *-сар*. Оформление однородных членов также имеет много общего в языке памятников и якутском (см. раздел, где рассматриваются однородные члены предложения, стр. 57).

Таким образом, язык памятников генетически связан, с одной стороны, с огузскими языками, а с другой стороны, с якутским языком.

---

[1] Кононов. Грамматика турецкого языка, стр. 438.
[2] Радлов, стр. 44—45.

СОКРАЩЕНИЯ

УКАЗАНИЯ НА ЛИТЕРАТУРУ

Ашмарин. — Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898.

Баскаков. Каракалпакский язык. — Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. II. Фонетика и морфология. М., 1952.

Баскаков. Тюркские языки. — Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960.

Габен. — A. von Gabain. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950.

Дени. — J. Deny. Grammaire de la langue turque. Dialecte Osmanli. Paris, 1921.

Енисейка. — И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин. Современная и древняя енисейка. Фрунзе, 1962.

ИСГТЯ, II. — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. II. Морфология. М., 1956.

Кб — Памятник в честь Кюль-Тегина (большая надпись). — В кн.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 21—27, 28—33, 36—43.

Кляшторный. — С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.

Км — Памятник в честь Кюль-Тегина (малая надпись). — В кн.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 19—20, 27—28, 33—36.

Кононов. Грамматика турецкого языка. — А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956.

Кононов. Грамматика узбекского языка. — А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960.

Котвич. — В. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962.

К-Ч — Памятник Кули-чуру. — В кн.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 25—30.

М, Мха, Мхb, Мхс — Памятник Бильге-хану. — В кн.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 11—25.

О, Оа, Оb, Ос — Онгинский памятник. — В кн.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 7—11.

Мелиоранский. — П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. — ЗВОРАО, т. XII, вып. II—III. СПб., 1899.

Насилов. Язык орхоно-енисейских памятников. — В. М. Насилов. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960.

Насилов. Древнеуйгурский язык. — В. М. Насилов. Древнеуйгурский язык. М., 1963.

Радлов. — Die alttürkischen Inschriften der Mongolei von Dr. W. Radloff. Neue Folge. СПб., 1897.

Рамстедт. — Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.

Рясянен. — M. Räsänen. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. Helsinki, 1957.

Т — Памятник Тоньюкуку. — В кн.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 56—70.
Томсен. — V. Thomsen. Turcica. Études concernant l'interprétation des inscriptions turques de la Mongolie et de la Sibérie. — Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, XXXVII. Helsingfors, 1916.
Харитонов. — Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык. Фонетика и морфология. Якутск, 1947.
Щербак. — А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961.
Ястремский. — С. В. Ястремский. Грамматика якутского языка. Иркутск, 1900.
Altosmanische. — Mecdut Mansuroğlu. Das Altosmanische. — Philologiae Turcicae Fundamenta, t. I. Wiesbaden, 1959.

ПРОЧИЕ СОКРАЩЕНИЯ

афф. — аффикс
древн. — древнее
ед. ч. — единственное число
кит. — китайское
кумык. — кумыкское
мн. ч. — множественное число
п. — падеж
тат. — татарское
тув. — тувинское
турец. — турецкое
туркм. — туркменское
узб. — узбекское
чув. — чувашское
хак. — хакасское

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

/ — или.
// — параллельно употребляющиеся формы.
= — равняется, полностью соответствует.
~ — чередование.
< — развилось из.
> — превратилось в.
( ) — в круглых скобках дословный перевод.
[ ] — в квадратных скобках слова, добавленные в русском переводе примеров.
(*ы*), (*і*) — узкий соединительный гласный перед аффиксом после основы на согласный.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Введение 3
История изучения памятников тюркской рунической письменности . . . . . —
Фонетика 5
Орфография 6

МОРФОЛОГИЯ

Имя существительное 7
Категория числа . . . . . —
Категория принадлежности 8
Категория определенности и неопределенности . . . . —
Категория склонения 9
Словообразование имен существительных 17
Имя прилагательное 19
Числительные 21
Количественные числительные . . . . . —
Порядковые числительные . . . . . —
Собирательные числительные 22
Местоимения . . . . . —
Личные местоимения . . . . . —
Возвратные местоимения 23
Указательные местоимения . . . . . —
Вопросительные местоимения 24
Неопределенное местоимение . . . . . —
Обобщающие местоимения . . . . . —
Глагол . . . . . —
Залог 25
Аспект 26
Категория лица . . . . . —
I группа глагольных форм 27
II группа глагольных форм 30
III группа глагольных форм — деепричастия 39
Парные глаголы 46
Составные глаголы . . . . . —
Словообразование глагола 47
Наречие 48
Послелоги 49
Модальное слово *ärінч* 50
Союзы и союзные слова 51
Частицы . . . . . —

СИНТАКСИС

Словосочетание 52
Предложение 53
Виды предложений . . . . . —
Простое предложение и его члены . . . . . —
Неполное предложение 58
Сложное предложение . . . . . —
Порядок слов в предложении 60
Заключение 61
О различиях между памятниками . . . . . —
Об отношении языка памятников к другим тюркским языкам 62
Сокращения 63
Условные обозначения 64